

Новейшие тенденции формирования семьи в России¹

С.В. ЗАХАРОВ

Едва ли кто-нибудь сомневается в революционной сущности перемен, произошедших за последние 15 лет в политической и экономической жизни России. А вот огромные перемены в характере формирования российских семей все еще недооцениваются: если их вообще замечают, то воспринимаются они, скорее, как временные аномалии или нежелательные мутации, требующие корректировки методами социальной инженерии. Оставим на совести «инженеров» желание «возродить традиционные семейные ценности» в условиях совсем нетрадиционной организации экономической и социальной жизни в современном обществе и постараемся разобраться, в чем состоит реальный процесс изменения брачно-партнерских отношений.

Введение

С начала 1990-х годов демографический портрет российской брачности претерпел значительные изменения. Средний возраст жениха увеличился более чем на два года (с 23,9 в 1992 г. до 26,1 в 2005 г.), а невесты — почти на два года (с 21,7 до 23,3). Общая интенсивность заключения браков в возрастах до 25 лет и у мужчин, и у женщин снизилась в 2 раза. Если по данным переписи населения 1989 г. в возрасте 20–24 года на 1000 мужчин приходилось никогда не состоявших в браке 595 человек, на 1000 женщин — 335 человек, то согласно последней переписи 2002 г. соответственно 736 и 526 человек. Можно не сомневаться, что в следующие за переписью 5 лет доля молодежи, никогда не состоявшей в браке к 25 годам, продолжала интенсивно увеличиваться. Серьезные изменения в российской брачности идут рука об руку с не менее важными изменениями в модели российской рождаемости.

Насколько существенным можно считать произошедшее повышение брачного возраста? Откладывается ли брак на более поздний возраст, оставаясь при этом всеобщей социальной нормой, или сам социальный институт зарегистрированного брака как формы совместной жизни утрачивает свои позиции? Можно ли полностью согласиться с распространенным убеждением, что вступлению в брак препятствуют экономические трудности и социальная напряженность, характерные для сегодняшней России? Или действуют какие-то другие, более глубокие причины? Обратим ли вообще процесс изменения российской брачной модели? К каким по-

¹ Настоящая работа подготовлена на основе статей, впервые опубликованных в электронной версии бюллетеня «Население и общество» Демоскоп-Weekly № 237, 289.

следствиям для рождаемости может привести трансформация брачно-партнерских отношений?

На все эти и многие другие вопросы можно попытаться ответить, только располагая надежной и многоплановой эмпирической базой. К сожалению, текущая демографическая статистика и данные переписи населения предоставляют исследователю весьма скудную информацию. Существующие статистические категории слишком узки и консервативны для того, чтобы адекватно характеризовать сложные процессы, происходящие сегодня в семейной сфере. Несвершенство признаков пространства официальной статистики уже давно вызывает заслуженную критику, а ныне ее беспомощность стала вдвойне очевидной. Характерный пример – сегодня каждый третий ребенок в России рождается вне брака. Означает ли это, что каждый третий ребенок в стране растет без отца? Ответа на этот принципиальный вопрос статистика не дает. Другой пример – интенсивность заключения браков в возрастах до 25 лет за последние двадцать лет, как было сказано выше, резко снизилась. Означает ли это, что в стране распространяется добровольное одиночество? Ответа в официальной статистике мы не найдем.

Справедливости ради надо заметить, что с подобными проблемами сталкиваются не только российские исследователи. Во всех развитых странах организация и методы статистического наблюдения на макроуровне (всеобщие переписи населения, ежегодная статистическая отчетность регистрируемых демографических событий), хотя и в разной степени, отстают от стремительно меняющейся социальной и демографической реальности. Все чаще высказываются сомнения в принципиальной возможности реформирования традиционной статистики населения, скроенной по меркам начала прошлого века, для того чтобы она была в состоянии отражать процессы, происходящие в веке нынешнем.

Переход к регулярным и репрезентативным выборочным обследованиям в качестве основных источников информации о процессах, происходящих с семьей, в развитых странах уже практически состоялся. Периодические обследования населения в разных странах по согласованным на международном экспертном уровне сопоставимым программам становятся такой же нормой, как когда-то нормой стали переписи населения, унифицированные в результате активности Международного статистического института, позднее – соответствующих подразделений Лиги Наций, а затем и ООН.

Россияне, как известно, «запрягают долго». Советская Россия с гордостью проигнорировала такие важные международные проекты, как World Fertility Survey (Всемирное обследование рождаемости) в первой половине 1970-х годов и Family and Fertility Survey (Обследование семьи и рождаемости) во второй половине 1980-х годов. Вряд ли стоит объяснять, что виной тому были не недоразвитость отечественных демографов или их недостаточная активность в отстаивании идеи участия СССР в подобных проектах. Просто на извечный тезис государственного мужа «заграница нам не указ» ученому мужу возразить трудно.

И все-таки в 2004 г. состоялся исторический прорыв, в возможность которого мало кто верил – Россия впервые провела репрезентативное социально-демографическое обследование по программе, которую утверждали не отечественные чиновники, а международное экспертное сообщество. Беспрецедентная по

масштабу программа российского обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / РиДМиЖ» полностью соответствует международной программе обследований **Generations and Gender Programme (GGP)/Программа «Поколения и Гендер»**, которая была разработана в 2000–2004 гг. авторитетнейшим консорциумом исследовательских центров Европы и Северной Америки при координирующей роли европейской экономической комиссии ООН. К настоящему моменту обследования по унифицированной программе состоялись уже более чем в десятке стран Европы, а также в Японии и Австралии. И надо же такому случиться – Россия оказалась первой страной, в которой прошел опрос по программе, принятой международным консорциумом!

Но еще более удивительно, что весной 2007 г. в точном соответствии с принятым международным регламентом в России состоялся повторный опрос тех же респондентов, что и в 2004 г. (методика предполагает панельный характер опросов в 3 волны с интервалом в три года). Наконец, последнее, совершенно невероятное для отечественной истории демографического изучения населения социологическими методами событие – с 2007 г. исходный файл данных опроса первой волны (10261 респондент, свыше 2000 переменных) становится доступным для специалистов на международном уровне! Будем надеяться, что и третья волна опроса, намеченная на 2010 г., пройдет в запланированные сроки, что ценнейшие данные второй и третьей волны станут также доступными для широкого круга специалистов в России и за рубежом.

Обследование РиДМиЖ в первую очередь ориентировано на изучение процессов трансформации внутрисемейных и межпоколенных отношений в связи с устойчиво низкой рождаемостью и быстрым старением населения в развитых странах. Оно предоставляет информацию для исследований широкого круга проблем жизнедеятельности индивидов и их семей на различных этапах жизненного цикла: создание и разделение семей, прочность брачно-партнерских союзов различного типа, репродуктивная деятельность и регулирование размеров потомства, воспитание детей и социально-экономическое взаимодействие поколений, ролевое распределение обязанностей в домохозяйствах, соотношение трудовой активности и воспитания детей, проблемы пожилых людей и пенсионные планы работающего населения и т. д. Данные второй и третьей волны позволят исследовать эти проблемы не только в ретроспективе (с использованием информации, полученной в результате анамнестического опроса), но и в режиме реальной динамики. В частности, появляется на редкость своевременная возможность мониторинга последствий для семьи и рождаемости активизации мер демографической и семейной политики, предпринятой государством в 2007 г.

Наш исследовательский интерес в последние годы был сконцентрирован на проблеме трансформации брачно-семейной модели в России и других странах, которая является, по нашему убеждению, ключевой для понимания перемен, происходящих с рождаемостью.

В 2001 г. по возвращении из командировки, связанной с участием в международной конференции, на которой, в частности, обсуждались перспективы программы GGP, мы предложили Т.М. Малевой, создавшей незадолго до этого новый институт (сейчас уже широко известный Независимый институт социальной

политики (НИСП)), рискованную идею организовать уникальное обследование. Благодаря безграничному энтузиазму директора НИСП, заместителя директора О.В. Синявской, других сотрудников НИСП и поддержке со стороны многочисленных друзей – исследователей и практиков – удалось разрешить сложнейшие методологические проблемы (качественный перевод и адаптация международного вопросника к российской действительности), организационные проблемы (в России отсутствовал опыт столь продолжительных интервью на таких больших выборах с перспективой повторных опросов) и, самое главное, финансовые проблемы. Достаточно упомянуть, что обследования по программе GGP – одни из самых дорогостоящих обследований во многих европейских странах, финансирование их зачастую идет отдельной строкой государственного бюджета. В России «зеленую» дорогу проекту открыло понимание необходимости такого обследования со стороны Пенсионного фонда РФ.

Руководители проекта GGP в России считают своим долгом еще раз выразить глубокую признательность Пенсионному фонду, взявшему на себя бремя основных финансовых затрат, а также зарубежным коллегам из Института демографических исследований им. Макса Планка (г. Росток, Германия), оказавшим не только огромную методологическую помощь, но значительную финансовую поддержку на этапе пилотного опроса и на этапе основного опроса первой волны. Наконец, полевая часть сбора информации была бы невозможна без высококвалифицированной и слаженной работы сотрудников Независимой группы «Демоскоп» под руководством П.М. Козыревой и М.С. Косолапова и всех привлеченных ими многочисленных интервьюеров.

Как говорили ведущие одной из телевизионных программ: «Все еще только начинается!» То же самое можно сказать и в отношении серии обследований «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» – всесторонний анализ огромного массива данных действительно только начинается, и мы приглашаем всех заинтересованных специалистов к сотрудничеству в рамках консорциума пользователей информационного массива РидМиЖ / RusGGS.

Часть 1. Расширяющиеся границы брака

Первый опыт участия России в международном проекте по изучению семьи

Летом 2004 г. в России было проведено репрезентативное для всей страны выборочное социолого-демографическое обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (далее РидМиЖ / RusGGS)². Подобные обследования, осуществляемые одновременно во многих странах по единой программе,

---

² Российское обследование в рамках международной программы «Поколения и Гендер» было проведено Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Научного общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики (Москва) при участии Независимой группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия). Вопросник доступен на сайте Независимого института социальной политики http://www.socpol.ru/research_projects/proj12.shtml.

проводились в Европе не раз, но Россия принимает участие в подобном международном проекте впервые³.

Оригинальный вопросник исследования на английском языке был разработан экспертами консорциума ведущих европейских исследовательских центров и являлся базовым для всех стран – участниц проекта⁴.

Российские специалисты принимали активное участие в разработке и адаптации вопросника к российской специфике на этапе подготовки пилотных (пробных) обследований, проведенных в России и Великобритании в 2002 г., а также на этапе обсуждения результатов этих обследований. Россия стала первой страной, в которой опрос прошел по полной программе (июль – август 2004 г.)⁵.

К настоящему времени по близкой к базовой программе GGS обследования проведены в Венгрии (2001 г.), Италии (2003 г.), Японии (2004 г.), по полностью сопоставимой программе на базе стандартного вопросника, кроме России, обследования проведены в Болгарии (2004 г.), Австралии (2005 г.), Германии (2005 г.), Франции (2005 г.), Чехии (2005 г.), Эстонии (2004–2005 гг.), Грузии (2006 г.), Литве (2006 г.), Румынии (2006 г.). На 2007 г. запланировано обследование в Бельгии, Норвегии, Польше, Словении. Число стран, практически вовлеченных или проявивших интерес к проекту, с каждым годом увеличивается.

Опрос методом формализованного интервью средней продолжительностью более 1,5 часов охватил 11260 мужчин и женщин в возрасте 18–79 лет в 32 регионах России. Мужчины и женщины представляли собой независимые, случайные выборки, не стратифицированные по возрасту и другим признакам.

Беспрецедентно обширная для России программа опроса (свыше 2000 переменных) и достаточно большой объем выборки позволяют всесторонне изучать процесс формирования брачно-семейных отношений и рождаемость. Данная статья открывает серию публикаций, представляющих результаты обследования.

Брачное партнерство – новая категория для характеристики семейного состояния

В отличие от переписей населения обследование РидМиЖ / RusGGS позволяет существенно глубже взглянуть на характер брачно-семейных отношений в России.

---

³ Проект называется Generations and Gender Programme/«Поколения и Гендер», его генеральный координатор – Европейская экономическая комиссия ООН.

⁴ Окончательный вариант вопросника был принят в мае 2004 г. Описание программы и задач международного проекта в целом, а также базовый вопросник на английском языке можно найти на веб-сайте Отдела населения ЕЭК ООН <http://www.unecsc.org/ead/pau/ggp/Welcome.html>; вопросник на русском языке доступен на веб-сайте НИСП http://www.socpol.ru/research_projects/proj12.shtml. Полезную информацию о проекте можно также найти на веб-сайте Института демографических исследований общества Макса Планка (г. Росток, Германия) <http://www.mpidr.de> (Laboratory of Contemporary European Fertility and Family Dynamics).

⁵ Генеральный координатор российской программы «Поколения и Гендер» – Независимый институт социальной политики (НИСП, директор Т.М. Малева), директор программы и ведущий исследователь проекта – О.В. Снявская (зам. директора НИСП), научный руководитель проекта – С.В. Захаров (Институт демографии ГУ ВШЭ).

Напомним, что в последней российской переписи (2002 г.) выделялись следующие категории брачного состояния: никогда не состоявшие в браке, состоящие в браке, в том числе в незарегистрированном браке, разведенные/разошедшиеся и овдовевшие.

Категория «незарегистрированный брак», которую использует российская переписная статистика, призвана охватить состояния, при которых люди, имеющие фактические устойчивые интимные отношения с кем-либо, не зарегистрировали их в соответствии с законодательством. При этом никакие дополнительные критерии для самоопределения человека, считающего себя состоящим в таком «браке», не используются. Так, при переписи не задавался вопрос о длительности такого союза, а информация о совместном проживании супругов не разрабатывалась в разрезе брачных состояний.

Зарубежные специалисты, как правило, избегают словосочетания «незарегистрированный брак» по отношению к тем союзам, о которых идет речь. Во-первых, брак практически во всех развитых странах трактуется однозначно как зарегистрированные отношения в соответствии с законодательством. Практика регистрации браков различается по странам, но и к гражданским бракам, и к бракам, заключенным в соответствии с религиозными канонами, предъявляются одни и те же требования — браком считается только тот союз, который прошел государственную регистрацию. Поэтому словосочетание «незарегистрированный брак» выглядит внутренне противоречивым. Во-вторых, для определения всех прочих, кроме брака, добровольных союзов в зарубежной статистике, научной литературе и даже в юриспруденции широко используются такие понятия, как *cohabitation* (что в русском языке соответствует понятию «сожительство») или консенсуальный союз («союз по согласию»). Для того чтобы объединить все формы устойчивых семейных отношений между людьми, в современной литературе используется категория «партнерство», которая и включает в себя два основных состояния — формальный брак и неформальный союз.

В обследовании РиДМиЖ / RusGGS впервые в российской практике была использована категория партнерства. Во-первых, партнерство как более мягкая категория отношений позволяет расширить наши представления о реально складывающемся многообразии форм отношений между людьми, в том числе и на различных этапах жизненного цикла. Во-вторых, оно позволяет более точно статистически оценить совокупности пар, находящиеся в разных условиях с точки зрения возможности наступления беременности и рождения детей, и, в-третьих, обеспечивает лучшую международную сопоставимость результатов.

Партнером в обследовании считался человек, с которым респондента связывают устойчивые отношения, предполагающие наличие сексуальной близости. Если у респондента в момент обследования было несколько партнеров и обо всех он хотел рассказать, то предлагалось рассказать только о партнере, которого он считает наиболее важным для себя. Для текущего партнерства допускалось раздельное проживание партнеров, о чем спрашивалось специально, а в вопросах, касающихся прошлых партнерских союзов, сведения фиксировались только о тех партнерах, с которыми респондент проживал на одной жилплощади не менее трех месяцев подряд.

Итак, наше обследование позволяет выделить следующие основные состояния респондентов: а) не имеющие постоянного партнера на момент опроса, в том числе по причине того, что они никогда не имели постоянного партнера, расстались или развелись с предыдущим партнером, овдовели; б) имеющие постоянного партнера, в том числе проживающие совместно или раздельно с партнером. Кроме того, всем респондентам, имеющим партнеров (вне зависимости от того, проживает ли партнер в домохозяйстве респондента или нет), задавался вопрос о том, регистрировался ли когда-либо брак с данным партнером. Программа обследования также содержит вопросы, касающиеся истории всех партнерских союзов в жизни человека, о которых респондент желал рассказать, с указанием дат начала и завершения каждого партнерства, а также причин его прекращения: расставание, смерть партнера. Если с тем или иным партнером регистрировался брак, то задавался вопрос о дате регистрации и дате развода, если таковой имел место.

Жить с партнером вместе или врозь?

Распределение мужчин и женщин в каждой возрастной группе по наличию партнера представлено в табл. 1 и 2 и на рис. 1. Устойчивые партнерские отношения складываются с возрастом, и не удивительно, что у женщин раньше, чем у мужчин: к 20 годам имеют партнера 32% мужчин и 48% женщин, к 25 годам соответственно 61% и 71%, к 30 годам – 76% и 88%. Однако в средних и старших возрастах тенденции для мужчин и женщин расходятся – доля женщин, имеющих партнера, сначала медленно, а затем ускоренно снижается, в то время как для мужчин характерно продолжение увеличения доли состоящих в партнерстве вплоть до 50 лет, когда она достигает 94%. Затем эти высокие показатели поддерживаются примерно на одном и том же уровне, и только в возрастах старше 60 лет медленно возрастает доля мужчин, не имеющих партнера. Среди мужчин гораздо реже можно встретить одиноких, чем среди женщин. Так, среди 35–50-летних одинокий мужчина – достаточно редкий феномен, таковых менее 10%. Среди женщин эта пропорция, как минимум, в 2 раза выше. К 50 годам каждая четвертая женщина не имеет спутника жизни, а к 60 годам доля одиноких женщин достигает 50%.

Таблица 1. Распределение респондентов-мужчин по наличию или отсутствию брачного партнера и совместно или раздельному проживанию с ним (%)

Возраст	Все респонденты	Не имеют партнера	Имеют партнера	В том числе:	
				партнер проживает с респондентом	партнер проживает отдельно
18–19	100	67,7	32,2	4,7	27,6
20–24	100	38,7	61,3	30,9	30,4
25–29	100	24,2	75,8	63,7	12,1
30–34	100	11,2	88,8	79,9	8,9
35–39	100	9,1	90,9	83,3	7,6
40–44	100	8,4	91,6	85,1	6,5

Окончание табл. 1

Возраст	Все респонденты	Не имеют партнера	Имеют партнера	В том числе:	
				партнер проживает с респондентом	партнер проживает отдельно
45–49	100	6,4	93,6	88,5	5,1
50–54	100	8,9	91,1	87,4	3,6
55–59	100	6,6	93,4	91,1	2,3
60–64	100	12,1	87,9	85,5	2,4
65–69	100	13,3	86,7	85,5	1,2
70–74	100	18	82	81,4	0,6
75–79	100	23,8	76,2	74,8	1,4
Итого 18–79	100	17,5	82,5	73	9,5

Таблица 2. Распределение респондентов-женщин по наличию или отсутствию брачного партнера и совместному или раздельному проживанию с ним (%)

Возраст	Все респонденты	Не имеют партнера	Имеют партнера	В том числе:	
				партнер проживает с респондентом	партнер проживает отдельно
18–19	100	51,7	48,3	20,1	28,2
20–24	100	28,9	71,1	47,7	23,4
25–29	100	11,6	88,4	75,7	12,7
30–34	100	13,7	86,3	77,6	8,7
35–39	100	16,7	83,3	76,6	6,7
40–44	100	17,9	82,1	75,5	6,6
45–49	100	20,3	79,7	73,5	6,2
50–54	100	27,7	72,3	66,9	5,4
55–59	100	35,9	64,1	60,5	3,6
60–64	100	48,1	51,9	50,1	1,8
65–69	100	53,6	46,4	45,1	1,3
70–74	100	66,1	33,9	33,6	0,3
75–79	100	79,1	20,9	20,9	0
Итого 18–79	100	30,8	69,2	61,3	7,9

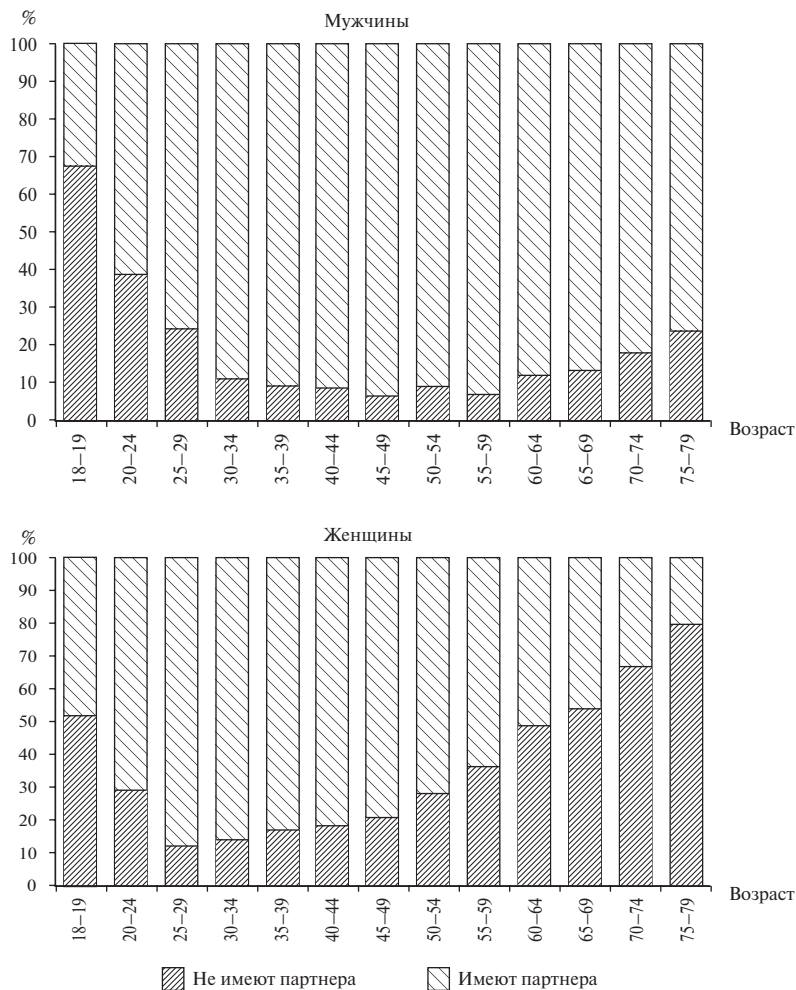

Рис. 1. Наличие брачного партнера у респондентов-мужчин и женщин по возрастным группам (%)

Если до 20-летнего возраста характерно территориально разделенное партнерство, то по мере увеличения возраста совместное проживание с партнером становится преобладающей нормой и для мужчин, и для женщин. В то же время важно отметить, что в возрастном интервале 20–24 года, в котором до недавнего времени заключалось большинство браков, сегодня почти каждый третий мужчина и почти каждая четвертая женщина проживают со своим партнером отдельно, да и среди 25–35-летних доля таких союзов составляет весомые 10%. Среди партнеров 25–49 лет, проживающих отдельно друг от друга, когда-либо регистрировали брак 11% женщин и 21% мужчин (включая официально неразведенных, которых, правда, меньшинство). Интересно, что распространенность раздельного проживания партнеров в возрастах старше 25 лет согласованно декларируется и мужчинами, и женщинами, – свидетельство того, что совершенно новые для массовых опро-

сов в России категории «партнер», «партнер, проживающий отдельно» были восприняты одинаково респондентами обоих полов. Партнерские отношения такого типа – совершенно не изученный объект в отечественной социологии и демографии. Ввиду отсутствия сопоставимых данных других исследований в России, мы не имеем возможности сравнить данные нашего обследования о распространенности таких союзов в прошлом и настоящем. Можно лишь высказать предположение, что, поскольку интенсивность заключения браков в 1990-е годы существенно снизилась, число союзов с партнерами, проживающими раздельно, должно было в последнее время увеличиться.

В каком возрасте россияне находят спутника жизни

Данные обследования позволяют рассмотреть, как от поколения к поколению меняется доля мужчин и женщин, вступивших в партнерские отношения к тому или иному возрасту. В послевоенный период и вплоть до начала 1990-х годов наблюдалось снижение возраста обретения первого партнера (рис. 2). Если в поколениях, родившихся перед войной и в 1940-е годы, менее 30% женщин вступали в первый партнерский союз к 20-летнему возрасту, то в поколениях, родившихся в начале 1970-х годов, – почти 50%. К возрасту 25 лет около 70% женщин и около 60% мужчин из поколений 1930–1940-х годов вступали в первый союз, а для поколений, родившихся в конце 1960-х годов, эти пропорции для женщин и мужчин составили соответственно 85% и 70%. К возрасту 30 лет наблюдается стабилизация показателя на уровне 90% для мужчин и женщин, причем в последние десятилетия доля лиц, не имевших хотя бы одного партнера в течение жизни, существенно не менялась. В то же время тенденция к раннему началу совместной жизни, наметившаяся в 1990-е годы, оказалась сломленной – в поколениях, родившихся в первой половине 1970-х годов и позднее, доля начавших партнерские отношения к возрасту 20 лет у женщин и к 25 годам у мужчин снижается высокими темпами. Так, доля девушек, имевших постоянного партнера к 20 годам, сегодня приближается к 35%, т. е. снижение составило 15 процентных пунктов.

Сколько партнерских союзов имеют россияне в течение жизни

Смена трех и более партнеров в течение жизни встречается редко – не более 5% респондентов сообщили об этом (рис. 3). Да и два партнерских союза – явление нечастое. Среди женщин 60 лет не более чем каждая четвертая декларирует наличие в течение жизни двух партнерских союзов, среди мужчин – лишь каждый шестой.

Подавляющее большинство – до 80% опрошенных – имеет опыт совместного проживания лишь с одним партнером, что и показывает расчет среднего числа партнерских союзов для каждой возрастной группы (рис. 4). К 30 годам у женщин и к 40 годам у мужчин среднее число партнерских союзов достигает 1,2–1,3 и затем стабилизируется на этом уровне. Включение в расчет союзов, в которых партнеры проживают раздельно, сколько-нибудь заметно сказывается на среднем числе партнерств лишь в самом молодом возрасте, что вполне закономерно, поскольку такой

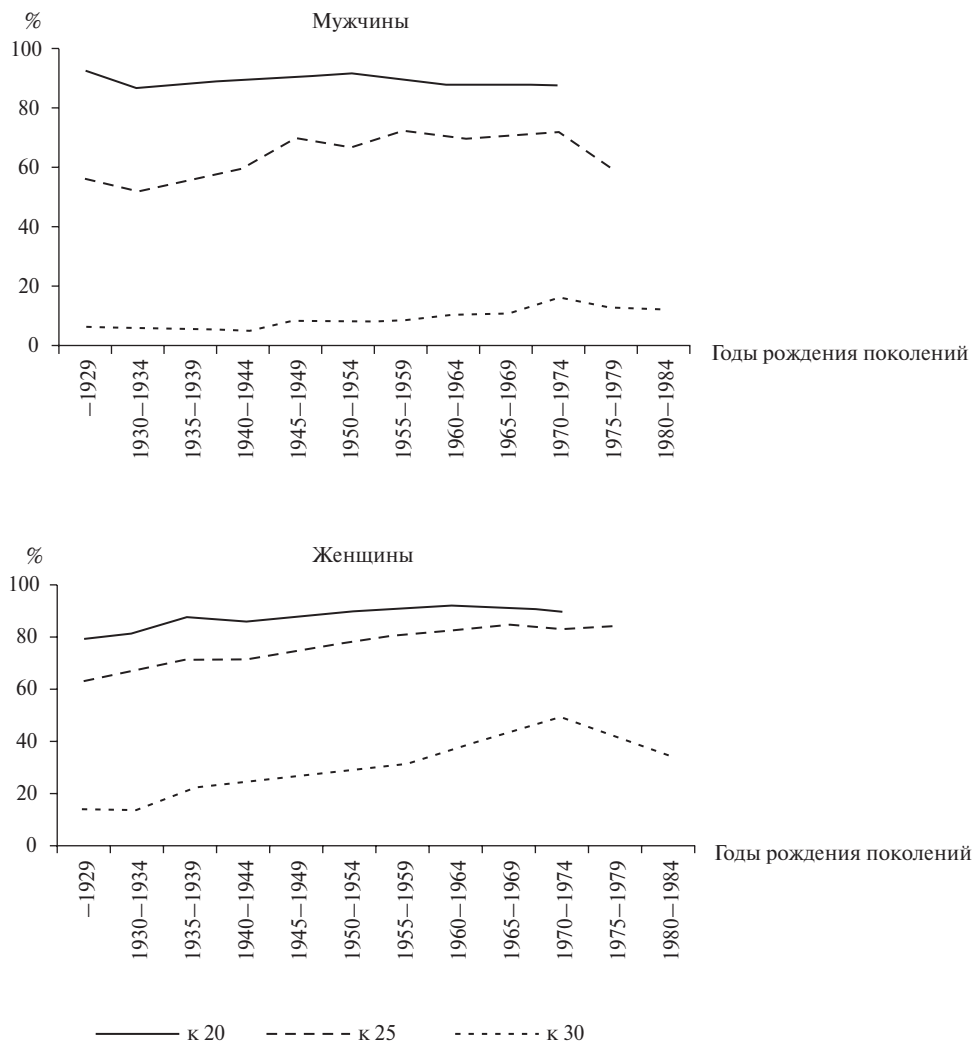
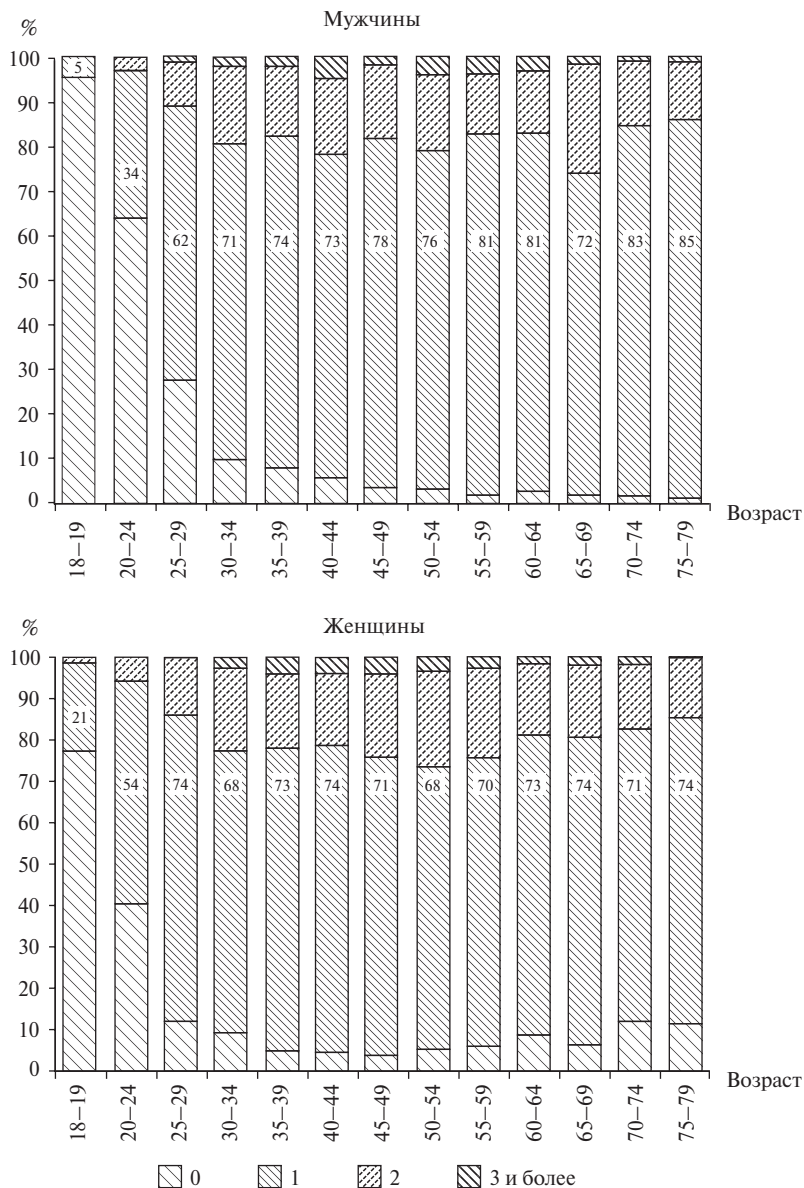

Рис. 2. Доля женщин и мужчин, вступивших в первый партнерский союз к возрасту 20, 25 и 30 лет, в реальных поколениях

тип отношений в молодых возрастах рассматривается лишь как временный статус, за которым следует либо становление более прочных отношений с совместным проживанием, вступлением в брак, либо расставание и поиск нового партнера.

Одиночество по-мужски и по-женски: временно или навсегда?

Более пристального внимания заслуживает группа респондентов, не имеющих партнера в настоящий момент. Как было показано выше, жизнь вне партнерских союзов для подавляющего большинства людей – явление временное, связанное с возрастом. В молодом возрасте люди более или менее длительное время затра-

Рис. 3. Распределение мужчин и женщин по числу пребывания в партнерских союзах, включая текущий (только союзы с совместным проживанием партнеров на одной жилплощади)

чивают на поиск подходящего партнера, а по мере старения накапливается число разведенных и вдовствующих, не нашедших замену предыдущему партнеру.

В то же время существует малочисленная категория людей, которые в течение жизни так и не обрели семью, не вступили в брак, никогда не имели более или менее устойчивых партнерских отношений, о которых они бы могли вспомнить.

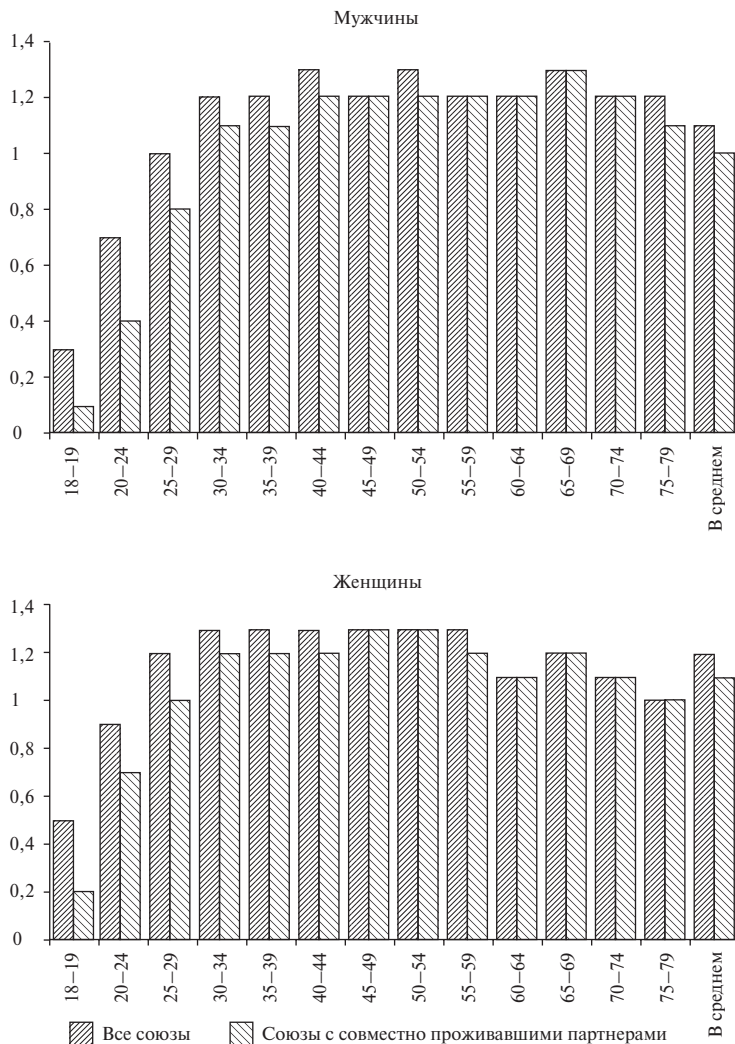

Рис. 4. Среднее число всех партнерских союзов, включая текущий, и союзов с совместным проживанием партнеров

В табл. 3 и на рис. 5 представлены оценки доли респондентов разных возрастов, которые никогда не состояли в партнерских союзах, в расчете на всех опрошенных и в расчете на тех, кто не имеет партнера в настоящий момент. Получается, что приблизительно 1–2% мужчин и 5–8% женщин в течение жизни никогда не проживали совместно с кем-либо на протяжении хотя бы трех месяцев подряд. Среди тех, кто не состоит в партнерстве в настоящий момент, процент никогда не имевших опыта совместной жизни выше. Например, в возрасте 30–34 года у мужчин – 42%, у женщин – 33%, но и этот показатель с возрастом снижается до 10% у мужчин и до 14% у женщин (к 60-летию). Следует, правда, иметь в виду, что полученные нами оценки распространенности пожизненного одиночества могут быть

несколько заниженными, поскольку опрос не проводился в интернатах, больницах, домах для престарелых, а в них, как известно, высока доля тяжелобольных людей и инвалидов, для которых создание семьи – большая проблема, а зачастую, и просто невыполнимое желание.

Таблица 3. Доля мужчин и женщин, никогда не имевших постоянного партнера (не состоявших в партнерских и брачных союзах) среди всех опрошенных и среди не имеющих партнера на момент опроса (%)

Возраст	Мужчины		Женщины	
	Среди всех опрошенных	Среди не имеющих партнера в настоящий момент	Среди всех опрошенных	Среди не имеющих партнера в настоящий момент
18–19	67,7	100,0	50,2	97,0
20–24	36,2	93,5	23,2	80,2
25–29	18,1	74,5	4,5	38,8
30–34	4,7	42,2	4,5	32,9
35–39	5,0	55,6	3,5	21,1
40–44	2,5	30	2,9	16,1
45–49	1,7	26,7	3,1	15,2
50–54	1,4	16,2	4,0	14,6
55–59	0,7	10,0	5,1	14,3
60–64	0,5	4,0	8,1	16,9
65–69	1,2	8,8	5,7	10,6
70–74	1,6	9,1	11,8	17,8

Итак, пожизненное одиночество касается статистически едва различимых совокупностей людей. В то же время чем старше человек, у которого по тем или иным причинам прекратился партнерский союз, тем дольше он остается без партнера. Если в молодом возрасте переход от одного партнерства к другому не слишком разделен во времени, то в средних возрастах одиночество с высокой вероятностью может затянуться до конца жизни. Правда, после определенного возраста средняя продолжительность фактического пребывания вне партнерских союзов стабилизируется: у мужчин старше 40 лет на уровне 10–13 лет, у женщин старше 50 лет на уровне 15–17 лет (расчет выполнен для тех респондентов, которые когда-либо имели партнера, но не имеют его в настоящий момент). Более продолжительное одиночество женщин можно охарактеризовать и таким показателем: к моменту опроса 36% мужчин старше 50 лет после прекращения предыдущего союза обходились без партнера не более 5 лет, в то время как среди женщин того же возраста – 17%, а остальные – существенно дольше. Двукратные различия между мужчинами и женщинами объясняются тем, что женщины раньше становятся вдовами.

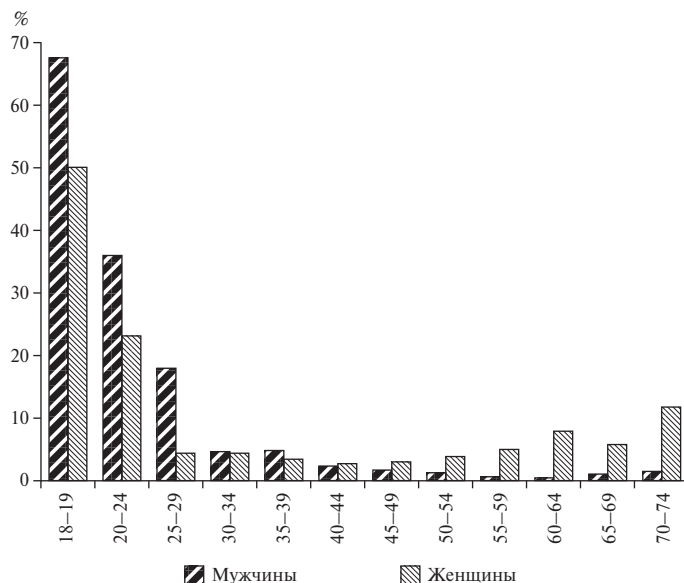

Рис. 5. Доли мужчин и женщин, не имеющих постоянного партнера и не состоявших в партнерских и брачных союзах в прошлом, среди всех опрошенных в данной возрастной группе (%)

Формальный или неформальный союз?

Проведенное обследование еще раз подтвердило, что союзы проживающих совместно партнеров далеко не всегда подкреплены официальным статусом брака. Более того, в молодом возрасте формальные союзы утратили прежние доминирующие позиции. В возрасте до 25 лет среди тех, кто проживает совместно с партнером, половина мужчин и женщин состоят в неформальных союзах (табл. 4 и 5, рис. 6). Чем старше респондент, тем ниже этот показатель: среди 60-летних мужчин, проживающих совместно с партнершей, он составляет 9–10%, а среди женщин того же возраста – 7%. Но в активных детородных возрастах неформальные союзы уже получили в России широкое распространение: в расчете на всех мужчин в возрасте от 20 до 40 лет эта доля составляет 13–15%, а в расчете на всех, имеющих партнера в домохозяйстве, – от 42% в возрастной группе 20–24 лет до 17–19% у 30-летних. Опрошенные женщины декларируют ту же картину. Стоит ли удивляться, что, согласно официальной статистике регистрации рождений, почти каждый третий ребенок был рожден вне брака?

Обследование РидМиЖ / RusGGS показало более высокую распространенность неформальных союзов в репродуктивных возрастах от 18 до 49 лет, чем перепись населения 2002 г. (рис. 7 и 8). С одной стороны, последнюю перепись и наше обследование разделяют два года, что немало, учитывая высокий темп происходящих изменений. Так, по сравнению с микропереписью 1994 г., данные переписи населения 2002 г. продемонстрировали двукратный рост распространенности сожительства как в расчете на всех лиц в возрастных группах, так и в расчете на тех, кто состоит в формальных и неформальных союзах. С другой стороны, понятие

Таблица 4. Респонденты-мужчины, в том числе проживающие совместно с партнером, состоящие в формальных и неформальных союзах (%)

Возраст	Все респонденты данного возраста		Все респонденты, проживающие совместно с партнером	В том числе:	
	Брак зарегистрирован	Брак не зарегистрирован		брак зарегистрирован	брак не зарегистрирован
18–19	2,1	2,6	100	44,4	55,6
20–24	17,9	13,0	100	57,9	42,1
25–29	48,5	15,2	100	76,1	23,9
30–34	64,8	15,1	100	81,1	18,9
35–39	69,5	13,9	100	83,4	16,6
40–44	72,6	12,4	100	85,4	14,6
45–49	79,8	8,7	100	90,1	9,9
50–54	79,2	8,2	100	90,6	9,4
55–59	82,2	8,9	100	90,3	9,7
60–64	77,8	7,7	100	91,0	9,0
65–69	76,1	9,4	100	89,0	11,0
70–74	75,9	5,5	100	93,3	6,7
75–79	67,1	7,7	100	89,7	10,3
Итого 18–79	62,1	10,9	100	85,1	14,9

Таблица 5. Респонденты-женщины, в том числе проживающие совместно с партнером, состоящие в формальных и неформальных союзах (%)

Возраст	Все респонденты данного возраста		Все респонденты, проживающие совместно с партнером	В том числе:	
	Брак зарегистрирован	Брак не зарегистрирован		брак зарегистрирован	брак не зарегистрирован
18–19	7,7	12,4	100	38,5	61,5
20–24	33,4	14,4	100	69,9	30,1
25–29	61,4	14,4	100	81	19
30–34	62,2	15,4	100	80,1	19,9
35–39	63,8	12,8	100	83,3	16,7
40–44	66,4	9,2	100	87,9	12,1
45–49	63,4	10,1	100	86,3	13,7
50–54	60,4	6,5	100	90,3	9,7
55–59	53,8	6,6	100	89	11
60–64	46,6	3,6	100	92,9	7,1
65–69	42	3	100	93,2	6,8
70–74	30,7	2,8	100	91,7	8,3
75–79	19,4	1,6	100	92,5	7,5
Итого 18–79	52,1	9,2	100	85	15

«брак», используемое в переписном вопросе, видимо, заставляет опрошенных «жестче» подходить к определению своего брачного состояния, чем более корректно сформулированный вопрос в нашем обследовании о наличии постоянного партнера. Возможность указать в ходе переписи, что данный брак не зарегистрирован, не сильно меняет ситуацию, поскольку он задается после ключевого вопроса переписного листа о состоянии в браке в принципе.

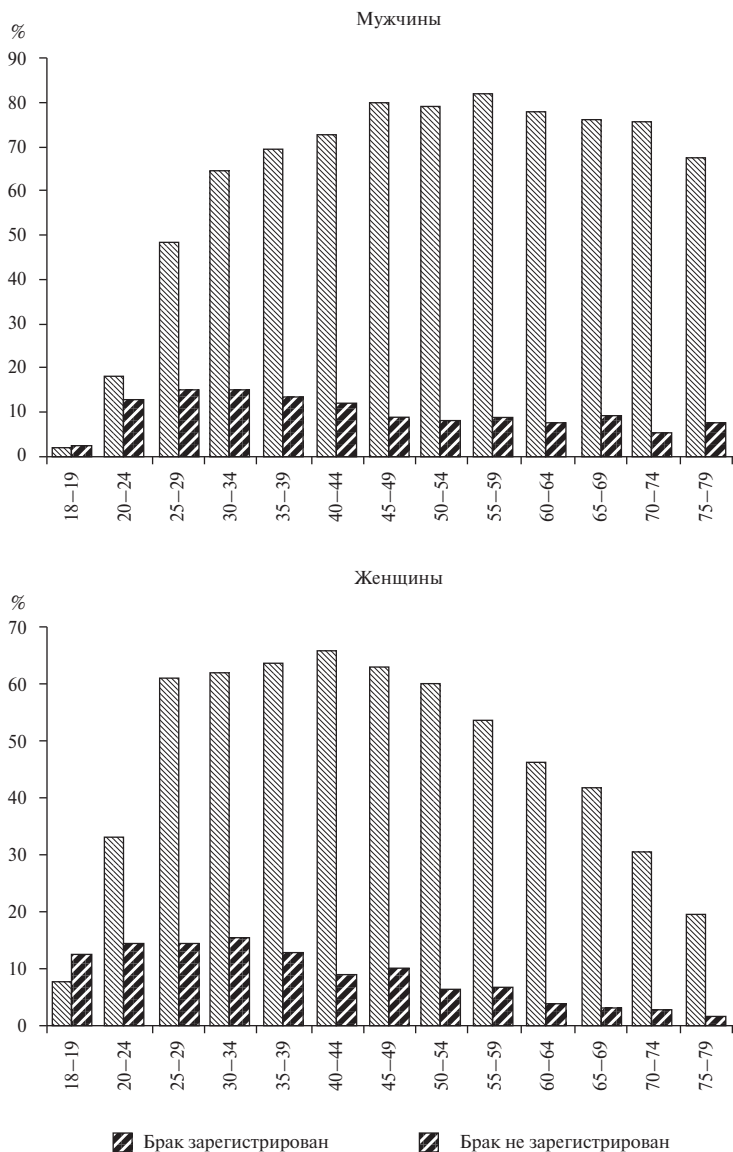
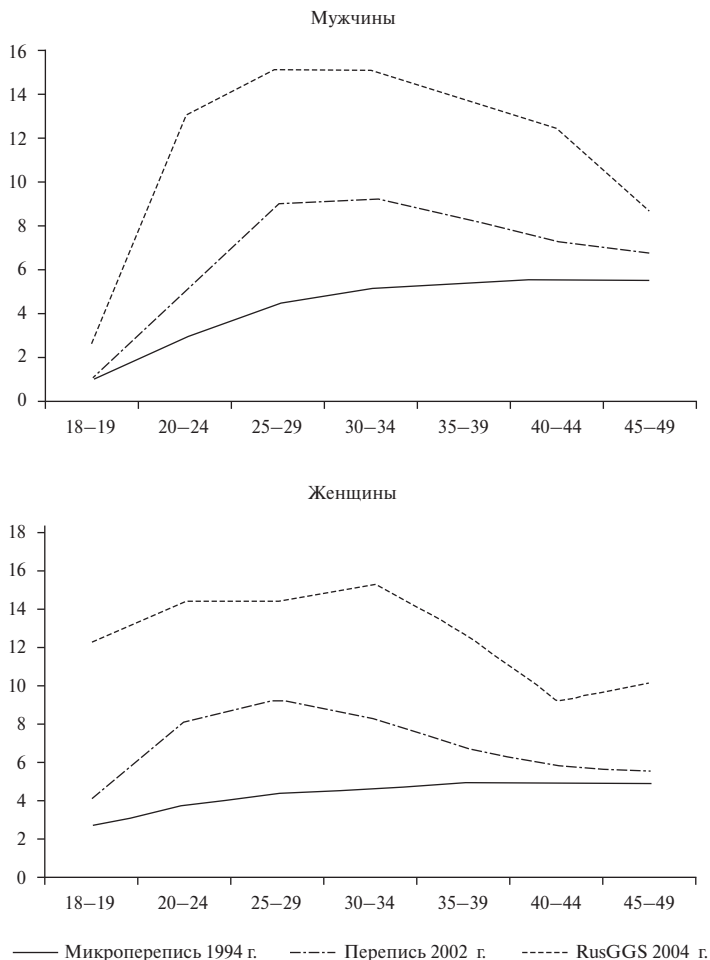
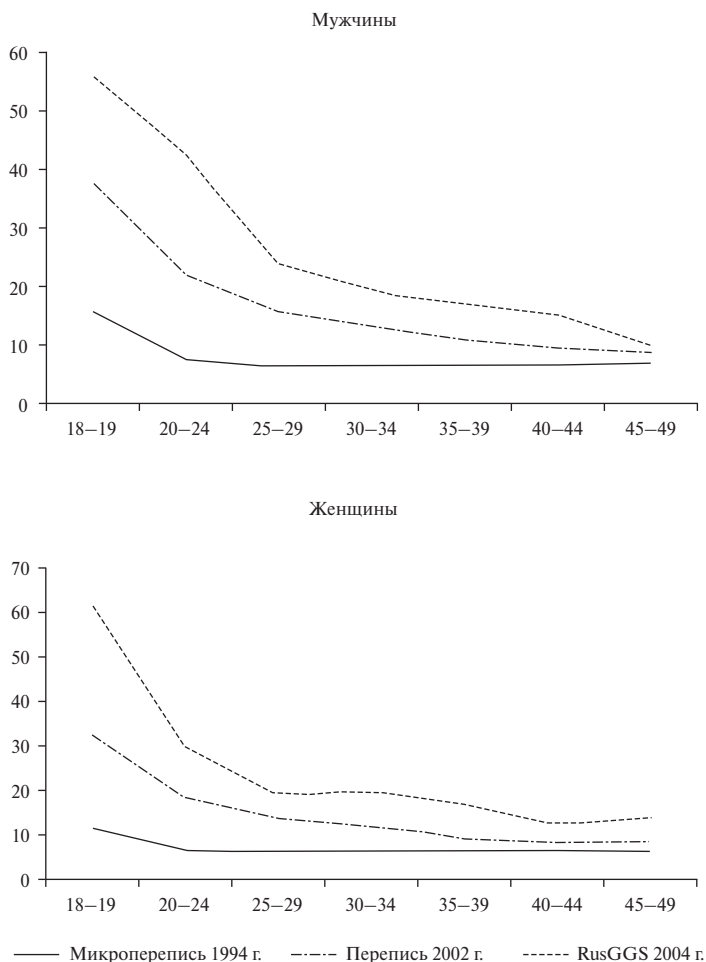

Рис. 6. Брачный статус респондентов (%)

Рис. 7. Распространенность неформальных союзов среди всех мужчин и женщин: микроперепись 1994 г., перепись 2002 г. и обследование РидМиЖ / RusGGS 2004 г. (совместно проживающие партнеры) (% от числа опрошенных в указанных возрастных группах)

Важно отметить, что данные выборочного обследования и переписи населения 2002 г. не расходятся в оценке распространенности формальных союзов (т. е. тех, в которых партнеры свой брак зарегистрировали) в расчете на всех лиц данного пола и возраста (рис. 9). Последнее не только свидетельствует об отсутствии смещенности выборочной совокупности опрошенных в рамках обследования РидМиЖ / RusGGS относительно генеральной совокупности — населения России по всеобщей переписи, но и указывает, что, вероятнее всего, перепись населения недооценивает распространенность неформальных союзов вследствие того, что не все пары, даже проживающие совместно, готовы определить свой союз как брак, пусть и с приставкой «незарегистрированный».

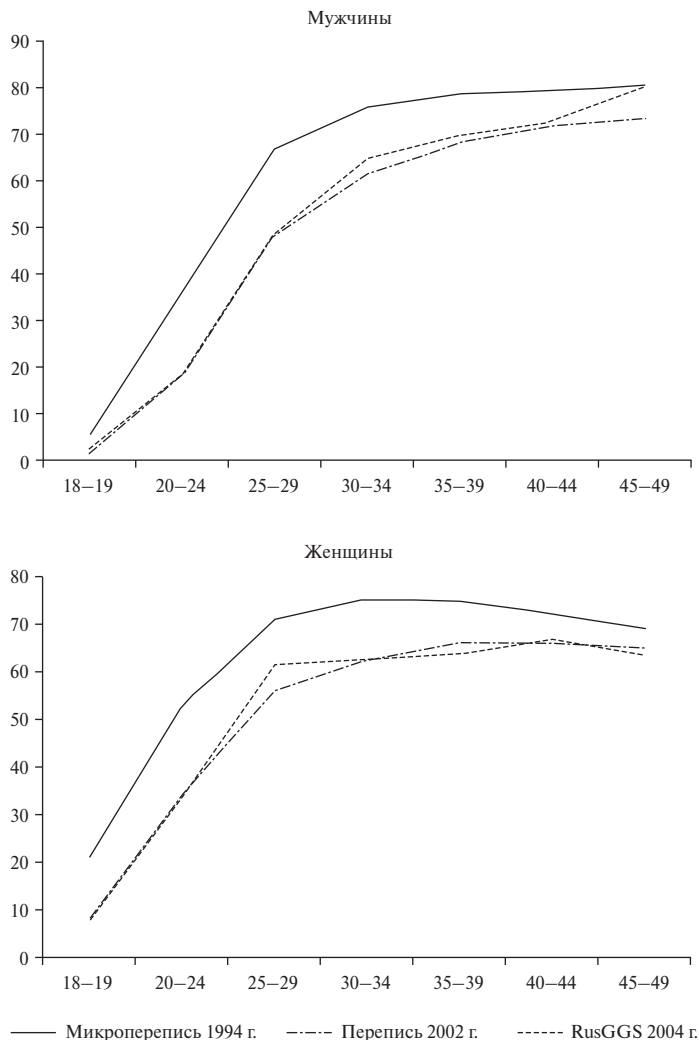

Рис. 8. Распространенность неформальных союзов среди мужчин и женщин, состоящих в формальных и неформальных союзах (совместно проживающие партнеры) по данным микропереписи 1994 г., переписи 2002 г. и обследования РидМиЖ / RusGGS 2004 г. (% от числа опрошенных в указанных возрастных группах)

Регистрировать брак становится немодно

Результаты обследования позволяют сделать вывод, что в России в последние два десятилетия произошла «тихая революция» в отношении к браку. Поколения россиян, родившиеся во второй половине 1960-х годов и позже, все чаще начинают совместную жизнь с партнером не с регистрации брака (рис. 10).

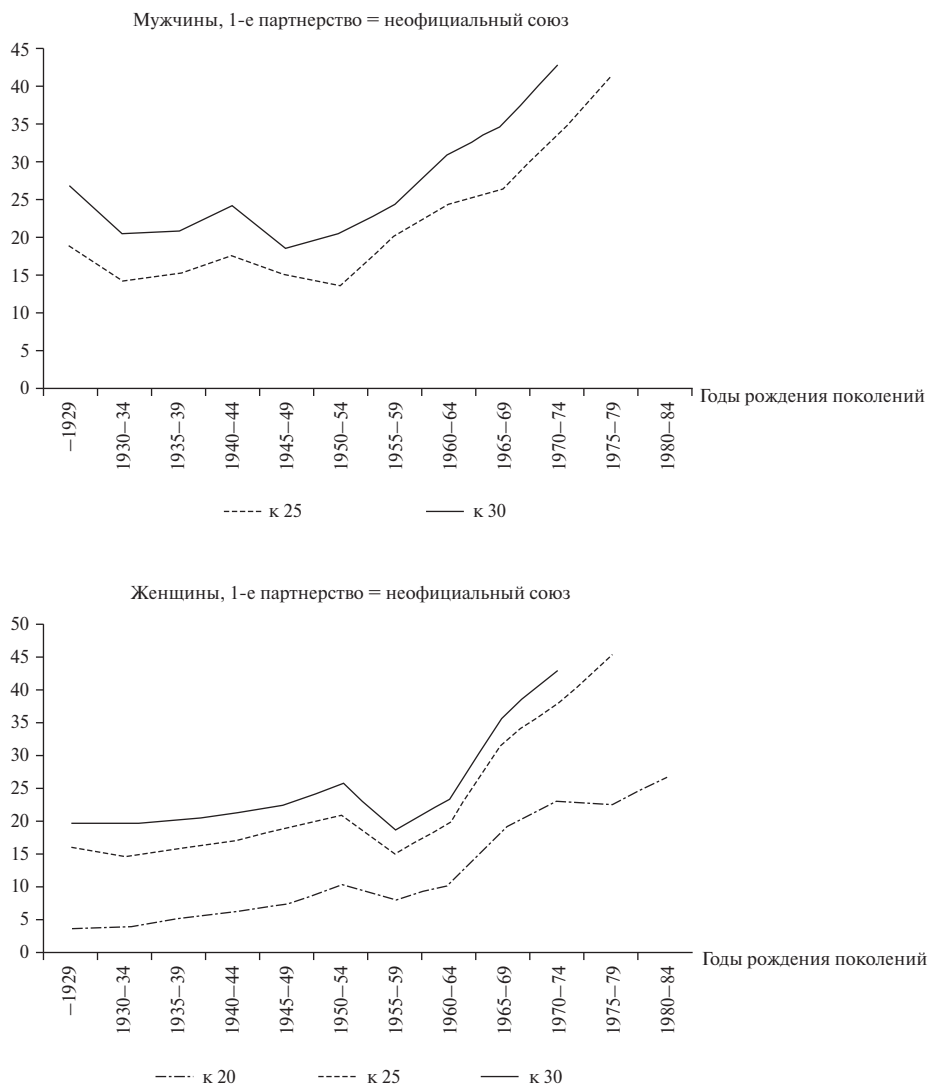
Нельзя сказать, что сожителства до брака раньше не имели распространения в России. Напротив, в поколениях россиян, родившихся перед войной и формировавших свои семьи, соответственно, в 1950-х годах, не менее 20% мужчин и

Рис. 9. Доля состоящих в формальных союзах (брак зарегистрирован) среди мужчин и женщин: микроперепись 1994 г., перепись 2002 г. и обследование РидМиЖ / RusGGS 2004 г. (совместно проживающие партнеры), (% от числа всех опрошенных в указанных возрастных группах)

женщин к 30-летнему возрасту свой первый партнерский союз начинали с юридически неоформленных отношений. Более того, тенденция к более раннему началу партнерских отношений сопровождалась хотя и медленным, но устойчивым ростом юридически неоформленных союзов среди молодежи.

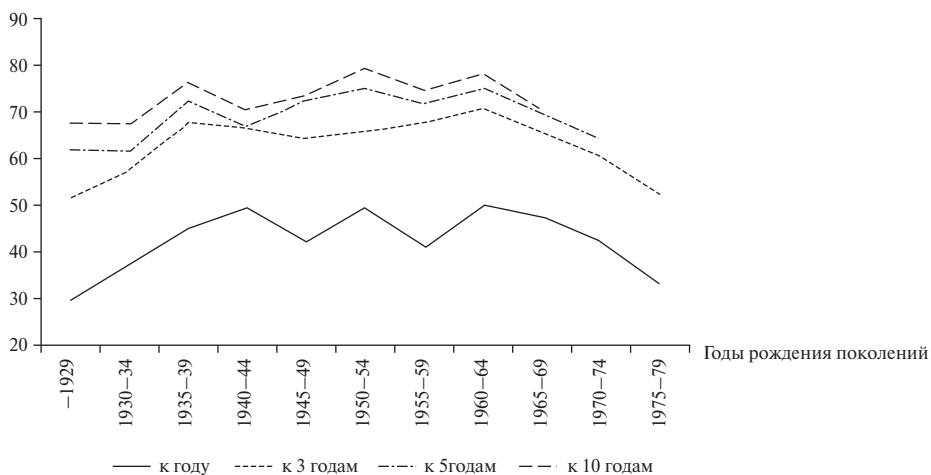
Однако среди представителей поколений, родившихся после 1960 г., распространение неформальных отношений имеет взрывной характер. Сегодня не менее 25% женщин к 20 годам и не менее 45% к 25 годам брак со своим первым партнером не регистрировали. Данные для мужчин подтверждают эти цифры – в настоящее время 40–45% первых союзов – это неформальные союзы.

Рис. 10. Доля мужчин и женщин, для которых первый партнерский союз не был браком к возрасту 20, 25 и 30 лет, в реальных поколениях

Неформальные отношения в начале совместной жизни для большинства являются временными и имеют характер пробного брака. Многие пары спустя какое-то время заключают юридически оформленный брак. В то же время данные РИДМИЖ / RusGGS показывают, что регистрация брака все чаще не просто откладывается на неопределенный период времени, необходимый для проверки прочности отношений, но и не происходит вовсе (рис. 11). Если в поколениях 1950-х годов рождения уже к первому году от начала неформального союза 50% женщин зарегистрировали брак со своим партнером, то в поколениях второй половины 1970-х годов – всего 30%.

Данный показатель снижается и для тех, кто долго живет вместе. К третьему году еще недавно регистрировали брак до 70% партнеров, начавших совместную жизнь с неформальных отношений, сегодня – 50%. К пятому году семейной жизни снижение составило более 10 процентных пунктов. Заметим, что если оформления отношений не происходит по прошествии 3–5 лет совместной жизни, то вероятность того, что брак в этом партнерском союзе когда-либо будет зарегистрирован, минимальна – нет практически никакой разницы в процентах зарегистрировавших брак к пятому и десятому годам с момента начала отношений.

Рис. 11. Доля женщин, зарегистрировавших брак к 1, 3, 5 и 10-му году от начала отношений в неформальном союзе, в реальных поколениях

Оценка суммарной доли женщин и мужчин, когда-либо оформивших брачные отношения с первым партнером – в самом начале партнерского союза или спустя многие годы, – показана на рис. 12. В поколениях 1950-х годов рождения к возрасту 30 лет 90% мужчин и женщин заключали брак с первым партнером, в поколениях 1970-х годов рождения этот показатель снизился до 80%, и следует ожидать его дальнейшего снижения, если ориентироваться на показатели для поколений, достигших к моменту обследования своего 25-летия.

Итак, по всем параметрам брак как формальный союз теряет свою популярность. У современных поколений он не только откладывается на более поздний возраст, но и вытесняется устойчивыми сожительствами.

Сколько браков регистрируют россияне в течение жизни?

Результаты обследования РидМиЖ / RusGGS дают основания утверждать, что популярное суждение о высокой распространенности «последовательной полигамии» в российском обществе не более чем миф. Уже в предыдущем разделе, в котором речь шла о числе партнеров в течение жизни, говорилось, что не более 30% россиян имеют в течение жизни более одного устойчивого партнерского союза. Понятно, что пропорция тех, кто в течение жизни заключал более одного брака,

будет еще ниже, что и подтверждают данные, приведенные в табл. 6 и на рис. 13. Приблизительно 5–7% мужчин и 7–8% женщин к 50 годам так и не зарегистрировали ни одного брака, около 12% мужчин и 15% женщин зарегистрировали к тому же возрасту 2 и более брака, а остальные 80% – ограничились единственным опытом официального союза. Если рассчитать среднее число браков, то в возрасте 45–49 лет в расчете на одного мужчину придется 1,04 брака и на одну женщину – 1,07 брака, а в расчете на одного мужчину и на одну женщину, когда-либо состоявших в браке, – соответственно 1,1 и 1,2 брака.

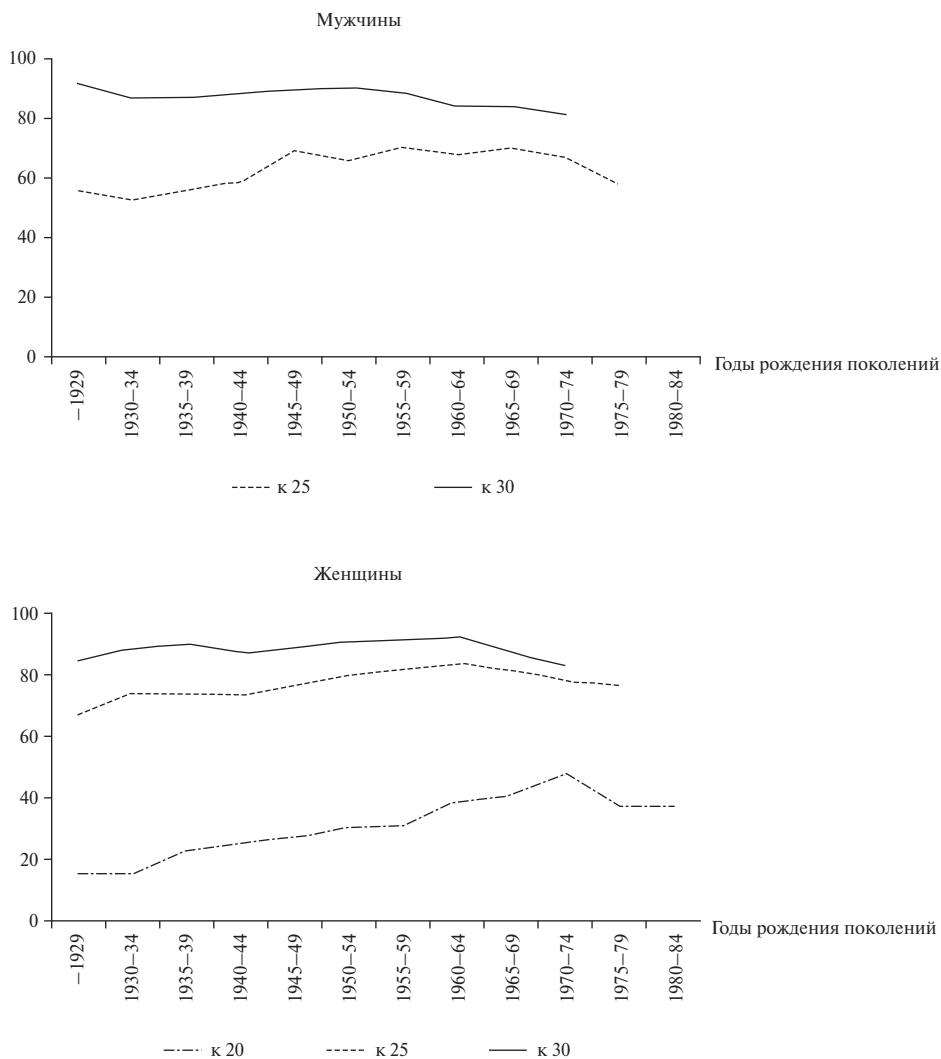

Рис. 12. Доля мужчин и женщин, когда-либо зарегистрировавших брак с первым партнером к возрасту 20, 25 и 30 лет, в реальных поколениях

Таблица 6. Распределение мужчин и женщин по числу заключенных браков (юридически оформленных союзов)

Возраст	Мужчины			Женщины		
	0	1	2 и более	0	1	2 и более
18–19	97,9	2,1	–	91,5	8,5	–
20–24	80,2	19,8	0	61,6	37,9	0,5
25–29	44,6	54,3	1,1	26,5	70,0	3,5
30–34	19,1	74,1	6,8	17,8	74,4	7,8
35–39	16,5	76,1	7,4	11,9	78,7	9,4
40–44	10,5	78,3	11,2	8,8	80,2	11,0
45–49	7,0	82,5	10,5	7,4	79,1	13,5
50–54	5,3	81,4	13,3	8,1	74,5	17,3
55–59	5,2	82,6	12,2	9,5	74,9	15,6
60–64	3,4	87,4	8,7	11,5	75,7	12,8
65–69	4,7	78,9	16,4	9,4	78,5	12,1
70–74	3,8	83,6	12,0	15,4	74,8	9,8
75–79	2,1	90,3	7,6	14,8	77,0	8,2

Часть 2. Продолжительность супружеской жизни женщин репродуктивного возраста

Как долго ждать суженого и сколько лет дано быть супругой в репродуктивном возрасте?

Как известно, в послевоенные годы процесс формирования семей в России характеризовался следующими взаимосвязанными тенденциями: возраст вступления в брак снижался [Дарский, Ильина 2000; Захаров 2006а; Захаров 2006б], риск прекращения брака вследствие развода увеличивался [Тольц 1984; Волков 1986; Кузнецов 1988], компенсация расторгнутых браков повторными союзами повышалась [Белова, Морева 1988].

В середине 1990-х годов произошел перелом в прежних тенденциях, касающийся, в первую очередь, эволюции возрастной модели брака – возраст вступления в первый брак начал увеличиваться (откладывание браков) на фоне резкого падения интенсивности заключения браков. Кроме того, перепись населения 2002 г. и выборочные обследования населения зафиксировали начало массового распространения незарегистрированных партнерских союзов (незарегистрированных «браков», сожительств, т. е. неформальных союзов, основанных на добровольном согласии), которые сильно потеснили в молодых возрастных группах гегемонию официально оформленного брака.

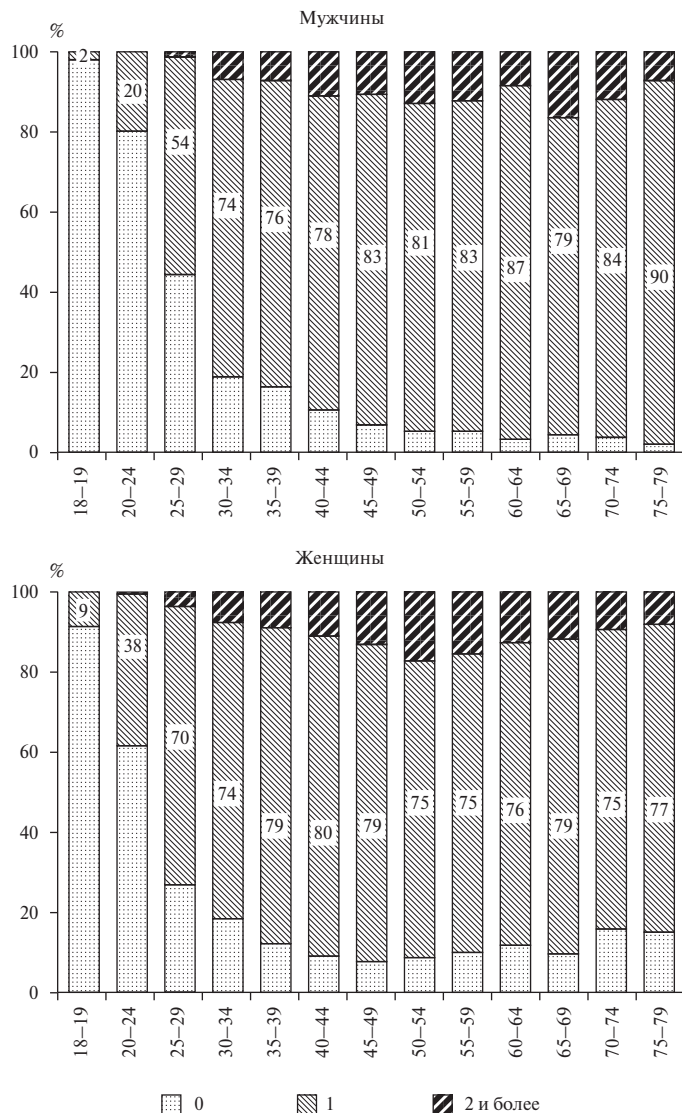

Рис. 13. Распределение мужчин и женщин по числу заключенных браков (юридически оформленных союзов)

Возможности оценить, как все эти противоречивые тенденции сказывались в прошлом и продолжают сказываться в новых условиях на итоговой продолжительности супружеской жизни женщин и мужчин в России, исходя из данных официальной статистики (текущей регистрации событий, прошедших переписей и микропереписей населения), сильно ограничены. Перечисленные источники данных о текущем статусе индивида не содержат ретроспективной информации о дате наступления предшествующих событий, связанных со сменой брачно-партнерских состояний (даты начала и прекращения всех союзов различного типа).

В то же время знания об изменениях, происходящих в сфере формирования брачно-партнерских отношений, чрезвычайно важны для понимания настоящих и будущих тенденций рождаемости и планировании семьи. В конечном счете от того, в каком возрасте люди начинают семейную жизнь, как часто меняют партнеров, как долго пребывают в супружестве или в одиночестве, во временном сожительстве или в длительном браке, в немалой степени зависит и то, сколько они имеют детей и какие потребности испытывают в средствах и методах контроля рождаемости.

Обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ / RusGGS), проведенное в 2004 г. в рамках международной программы «Поколения и Гендер», позволяет исчерпывающим образом проанализировать брачно-семейный цикл как последовательность событий в жизни человека. В соответствии с программой обследования, все респонденты в возрасте от 18 до 79 лет сообщали даты начала и прекращения каждого из союзов, в которых они проживали совместно с партнером не менее 3 месяцев подряд, а также информацию о том, был ли этот союз оформлен юридически. В случае прекращения существования союза уточнялась причина его распада: расставание или смерть партнера, а также, если партнеры разошлись, то выяснялась и дата фактического прекращения союза, и дата оформления развода, если распавшийся союз был юридически оформленным браком. На основе этой информации для каждого индивида можно рассчитать число дней пребывания в том или ином брачно-партнерском состоянии на любом отрезке времени прожитой им жизни: в ожидании первого союза, в первом и в каждом последующем союзе, в одиночестве после прекращения союза каждой очередности отдельно по причине развода (расставания) или смерти супруга. Для совокупности представителей реального поколения по году рождения можно, соответственно, получить число человекодней пребывания в том или ином брачно-семейном состоянии и затем рассчитать среднюю продолжительность пребывания в каждом конкретном состоянии для среднего представителя поколения того или иного возраста. Межпоколенные сдвиги в средней продолжительности пребывания в различных состояниях и являются предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

В табл. 7 и на рис. 14 приведены показатели, характеризующие фактическое использование среднестатистической представительницей реальных поколений потенциала времени, отпущенного ей в основном детородном возрасте от 18 до 45 лет, т. е. наиболее важного в демографическом смысле периода жизни длиной 27 лет.

Самой младшей когортой, достигшей своего 45-летия, в нашем обследовании было поколение 1955–1959 г. рождения. 27 лет активной репродуктивной жизни представительницы этого поколения использовали следующим образом: в среднем 5,5 года они провели в состоянии ожидания (поиска) первого партнера / супруга (20,6% бюджета времени), 18,2 года они пребывали в супружеских союзах всех типов (формальных и неформальных), что равнозначно наиболее эффективному использованию 67,3% общего бюджета репродуктивного периода, и 3,3 года находились в состоянии одиночества (без партнера, проживающего в домохозяйстве) вследствие прекращения союзов всех очередностей (12,1% бюджета времени). Если сравнить эти данные с соответствующими характеристиками для предше-

Таблица 7. Распределение времени, прожитого российскими женщинами разных поколений в возрасте от 18 до 45 лет

Поколения женщин по годам рождения	Продолжительность пребывания в указанном состоянии					
	Количество лет			%		
	До начала первого союза	Во всех супружеских союзах*	В одиночестве после прекращения союзов	До начала первого союза	Во всех супружеских союзах*	В одиночестве после прекращения союзов
–1929	8,4	16,8	1,8	31,4	62,1	6,5
1930–1934	8,3	16,6	2,1	30,7	61,4	7,9
1935–1939	6,7	17,8	2,5	24,8	66,0	9,2
1940–1944	6,9	16,9	3,2	25,6	62,4	12,0
1945–1949	6,2	18,1	2,7	22,8	67,0	10,2
1950–1954	5,8	17,8	3,4	21,5	66,0	12,5
1955–1959	5,5	18,2	3,3	20,6	67,3	12,1

*Здесь и далее под супружеским союзом понимается партнерский союз любого типа: зарегистрированный брак либо неформальный (незарегистрированный) союз, в котором партнеры проживали совместно в течение не менее трех месяцев.

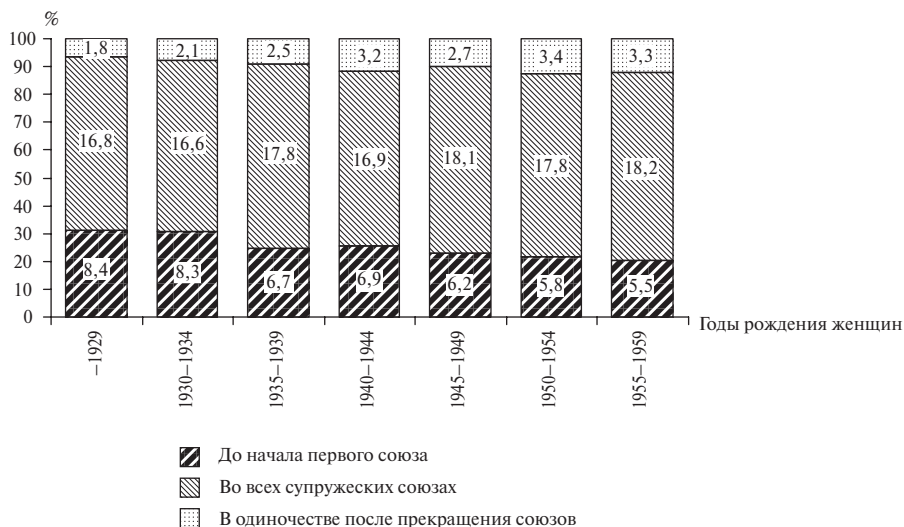

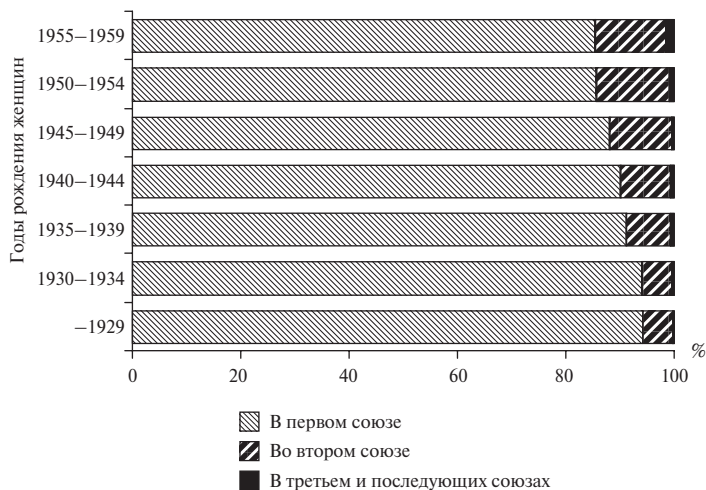
Рис. 14. Распределение времени, прожитого российскими женщинами разных поколений в возрасте от 18 до 45 лет

ствующих поколений, то нельзя не отметить существенного сокращения – почти на 3 года – продолжительности пребывания в состоянии девичества (до начала первого партнерского союза), что еще раз подтверждает очевидную тенденцию к омоложению брачности, наблюдавшуюся в послевоенный период. Увеличение продолжительности пребывания в одиночестве после прекращения супружеских союзов нас также не удивляет – вероятность официального расторжения брака увеличилась после войны более чем в 2 раза. Однако, несмотря на действие этого фактора, прирост средней продолжительности периода одиночества после прекращения союзов оказался, по нашим расчетам, весьма умеренным – не более чем на 1,5 года. Росту разводимости и овдовения противостояли тенденции расширения практики повторных союзов и сокращения периода поиска нового партнера.

Наиболее важный вывод, который можно сделать на основе представленных данных, касается средней продолжительности супружеской жизни в репродуктивном возрасте. Результирующий вектор отмеченных разнонаправленных тенденций оказался в целом положительным – средняя продолжительность супружества устояла под натиском ослабления прочности первых союзов благодаря приросту времени, которое дали повторные союзы и более ранние браки. Если расчеты произвести только для женщин, имевших опыт хотя бы одного партнерского союза (табл. 8.), то средняя продолжительность супружеской жизни у представительницы поколения 1955–1959 гг. рождения составит 19,2 года, что практически в точности соответствует показателю, рассчитанному для поколения 1930–1934 гг. рождения (19,3 года). Данные табл. 8 и рис. 15 показывают, что если у поколений 1930-х годов рождения суммарное время супружества складывалось на 94% за счет первого и за редкими исключениями единственного союза, то у поколений 1950-х годов рождения при той же общей продолжительности супружеской жизни пребывание в первом союзе составляло 85%, а пребывание в повторных союзах – 15% итогового времени пребывания в статусе супруги.

Таблица 8. Распределение среднего времени, проведенного в супружеских союзах, по очередности союза для россиянок, имевших к возрасту 45 лет опыт хотя бы одного союза

Поколения женщин по годам рождения	Среднее число лет во всех союзах в возрасте от 18 до 45 лет	В том числе в союзе указанной очередности (%)			
		Всего	В первом союзе	Во втором союзе	В третьем и последующих союзах
–1929	19,6	100	94,3	5,5	0,2
1930–1934	19,3	100	94,1	5,4	0,5
1935–1939	19,6	100	91,2	8,2	0,6
1940–1944	18,8	100	90,0	9,4	0,6
1945–1949	19,7	100	88,0	11,5	0,5
1950–1954	19,2	100	85,5	13,6	0,9
1955–1959	19,2	100	85,3	13,2	1,5

Рис. 15. Распределение среднего времени, проведенного в супружестве, по очередности супружеского союза (женщины, имевшие опыт хотя бы одного союза к 45 годам) (%)

Если же расчет строить исходя из всей совокупности женщин, имевших и не имевших опыта супружеской жизни, то можно даже отметить увеличение периода пребывания в статусе супруги — 18,2 года у поколения 1955–1959 гг. рождения против 16,6 года у поколения 1930–1934 гг. рождения (см. табл. 7). Этот дополнительный прирост был получен в результате не только массового снижения возраста начала семейной жизни, но и некоторого сокращения и без того традиционно низкого для России уровня окончательного безбрачия [Демографическая модернизация России... 2006, с. 102, 112–113].

Из чего складывается женское одиночество?

Наглядное представление о том, как во второй половине XX в. трансформировалось понятие «одиночество», дают табл. 9 и рис. 16. В поколениях женщин, родившихся до середины 1930-х годов и формировавших свои семьи, соответственно, в 1950-х и 1960-х годах, итоговая величина 7,5 лет одинокой жизни для 45-летней женщины на 70% объясняется пребыванием в состоянии «ожидания» начала первого союза и на 30% — одиночеством в результате прекращения супружеских союзов всех очередностей. В поколениях второй половины 1950-х годов 7,8 лет одиночества (т. е. примерно такая же продолжительность, что и для их матерей, родившихся до середины 1930-х годов) лишь на 55% объясняются временем «ожидания» / «поиска» супруга и на 45% — одиночеством после прекращения первых и повторных союзов.

Среди двух причин прекращения супружеских союзов (развод / расставание и смерть партнера) доминируют разводы и добровольные расставания (табл. 10). В то же время высокий уровень преждевременной смертности в России поддерживает высокий риск овдовения. Среди женщин, рожденных во второй половине 1950-х годов, вышедших замуж и ставших одиночками в возрастах до 45 лет, в

Таблица 9. Распределение среднего времени пребывания вне супружеских союзов для россиянок, имевших к возрасту 45 лет опыт хотя бы одного союза

Поколения женщины по годам рождения	Среднее число лет вне супружеских союзов в возрасте от 18 до 45 лет	В том числе по типам состояний (%)			
		Всего	До начала первого союза	После прекращения первого союза	После прекращения всех повторных союзов
–1929	7,4	100	71,9	25,5	2,6
1930–1934	7,7	100	67,6	30,7	1,7
1935–1939	7,4	100	63,3	33,3	3,4
1940–1944	8,2	100	56,1	38,5	5,4
1945–1949	7,3	100	59,1	35,8	5,1
1950–1954	7,8	100	53,5	37,9	8,6
1955–1959	7,8	100	55,4	36,1	8,5

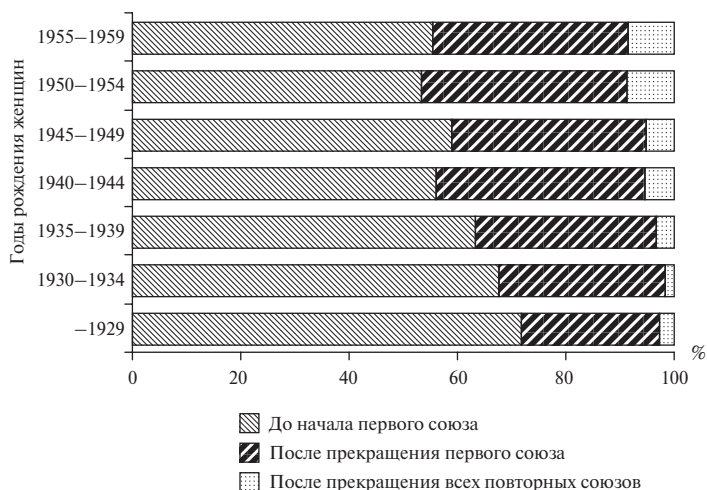

Рис. 16. Распределение среднего времени, проведенного вне супружеских союзов, в возрастном интервале от 18 до 45 лет для россиянок, имевших к возрасту 45 лет опыт хотя бы одного союза (%)

каждом пятом случае причиной одиночества было вдовство! Причем в абсолютном измерении среднего числа лет, проведенного в состоянии вдовства, никакого прогресса от поколения к поколению не наблюдалось, что лишний раз подтверждает тот печальный факт, что смертность взрослого населения в послевоенный период не снижалась. Прямые потери потенциального времени пребывания в супружестве вследствие вдовства и в поколениях 1930-х годов, и в поколениях второй половины 1950-х годов измеряются одной и той же величиной в 0,7 года в расчете на одну женщину, имевшую опыт супружества к возрасту 45 лет. Поэтому снижение относительной роли вдовства как причины одиночества для тех же поколений,

демонстрируемое в табл. 10 и на рис. 17, есть результат не снижения суммарного риска вдовства, а повышения риска прекращения союза вследствие обоюдного решения партнеров, что также обеспечивало и увеличение суммарного времени пребывания женщины вне союзов по причине их прекращения, показанное в той же таблице.

Таблица 10. Распределение среднего времени, проведенного вне союзов, по причинам их прекращения для россиянок, имевших к возрасту 45 лет опыт хотя бы одного союза

Поколения женщин по годам рождения	Среднее число лет вне супружеских союзов после их прекращения, лет	В том числе по причинам прекращения союза (%)		
		Всего	Развод, расставание	Овдовение
–1929	2,1	100	63,0	37,0
1930–1934	2,5	100	73,5	26,5
1935–1939	2,7	100	74,8	25,2
1940–1944	3,6	100	76,6	23,4
1945–1949	3,0	100	76,2	23,8
1950–1954	3,6	100	86,1	13,9
1955–1959	3,5	100	78,7	21,3

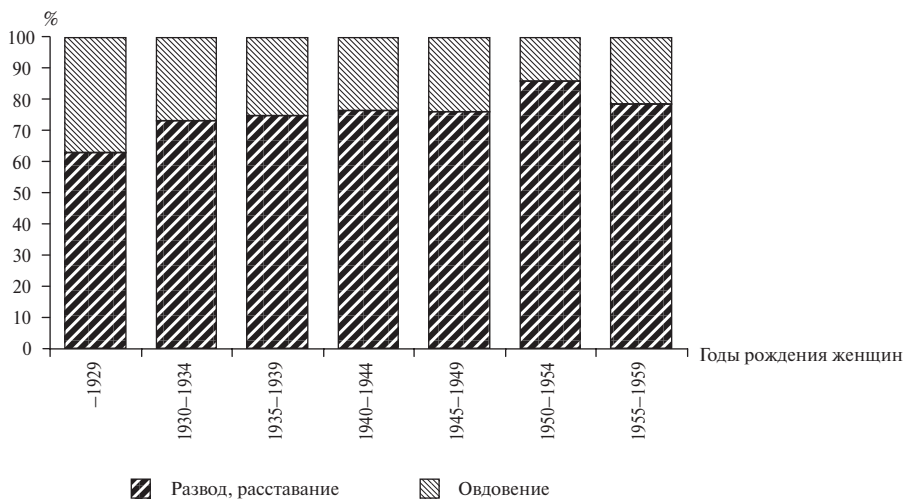

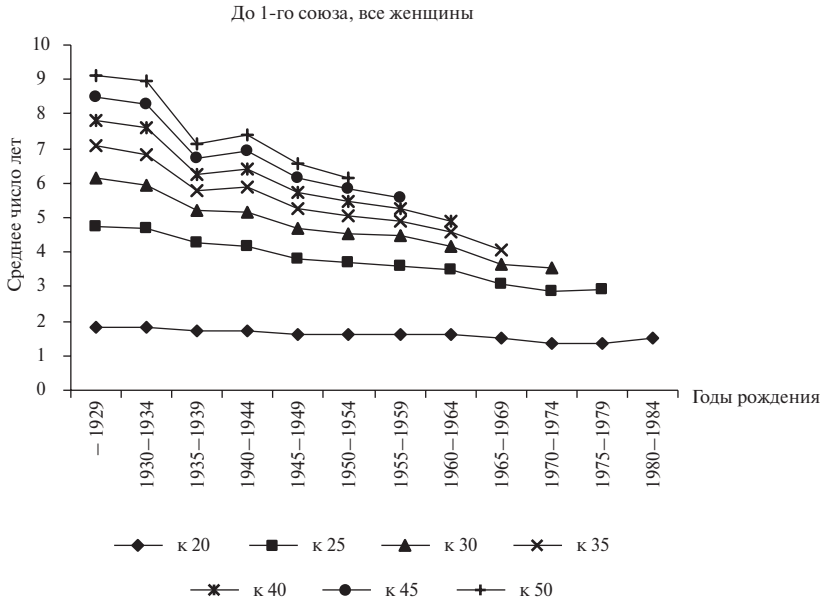
Рис. 17. Распределение среднего времени, проведенного вне союзов, по причинам их прекращения в возрастном интервале от 18 до 45 лет для россиянок, имевших к возрасту 45 лет опыт хотя бы одного союза (%)

Интересно отметить, что для женских когорт первой половины 1950-х годов риск овдоветь к возрасту 45 лет был существенно ниже, чем у предшествующих и последующих когорт. Не является ли это результатом временного снижения смерт-

ности в период антиалкогольной кампании 1985–1991 гг.? В этом случае правы те эксперты, которые утверждают, что отсроченная смерть десятков, если не сотен тысяч мужчин должна была благотворно сказаться на итоговых характеристиках репродуктивной биографии поколений женщин, находившихся в детородном возрасте в период антиалкогольной кампании.

Супружеская жизнь в России продолжительна, как никогда прежде

Обратимся теперь к молодым поколениям, которые еще не завершили свой репродуктивный цикл, и посмотрим, в какой мере их поведение в брачно-партнерской сфере отличается от поведения предшествующих поколений. С этой целью для последовательности женских поколений будем сравнивать среднюю продолжительность пребывания в том или ином состоянии, приведенную к фиксированным возрастам. Так, самая младшая из когорт, показанных на рис. 18 (женщины 1980–1984 гг. рождения), успела прожить к моменту обследования не менее 20 лет, когорта 1975–1979 гг. – 25 лет, когорта 1970–1974 гг. – 30 лет и т. д. Соответственно для представительниц когорты 1980–1984 гг. средняя продолжительность пребывания в том или ином состоянии будет нами оцениваться на возрастном отрезке от 18 до 20 лет, для когорты 1975–1979 гг. – на отрезке от 18 до 25 лет, для когорты 1970–1974 гг. – на отрезке от 18 до 30 лет и т. д.

Рис. 18. Среднее число лет пребывания в состоянии «до начала первого партнерского союза с совместным проживанием партнеров» к указанным возрастам. Россия, реальные поколения женщин, имевших и не имевших опыта проживания в союзах любого типа

Рис. 18 демонстрирует среднюю продолжительность пребывания в «ожидании» первого брачно-партнерского союза для всех женщин, представленных в обследовании поколений. Отметим, что, во-первых, от поколения к поколению отчетливо фиксируется сокращение периода «девичества» в ожидании начала собственной семейной жизни. Во-вторых, накопленный эффект сокращения длительности пребывания женщин в состоянии «до первого партнерства» к старшим возрастам оказывается весьма значимым – целых три года к возрасту 35, 40, 45 и 50 лет. Однако этот эффект нельзя отнести только на счет «омоложения» брачности. Если мы возьмем в расчет только тех женщин, которые имели в тех же возрастах опыт первого партнерского союза, то снижение периода «ожидания» первого супруга хотя и будет также значимым, но все же в 2 раза меньшим – не более чем на 1,5 года к тем же возрастам (рис. 19). Таким образом, тенденция к более раннему замужеству объясняет половину общего снижения «добрачного» периода для женщин, а вторая половина этого снижения произошла за счет более широкого приобщения женщин к опыту семейной жизни, или иначе – уменьшения доли окончательного безбрачия.

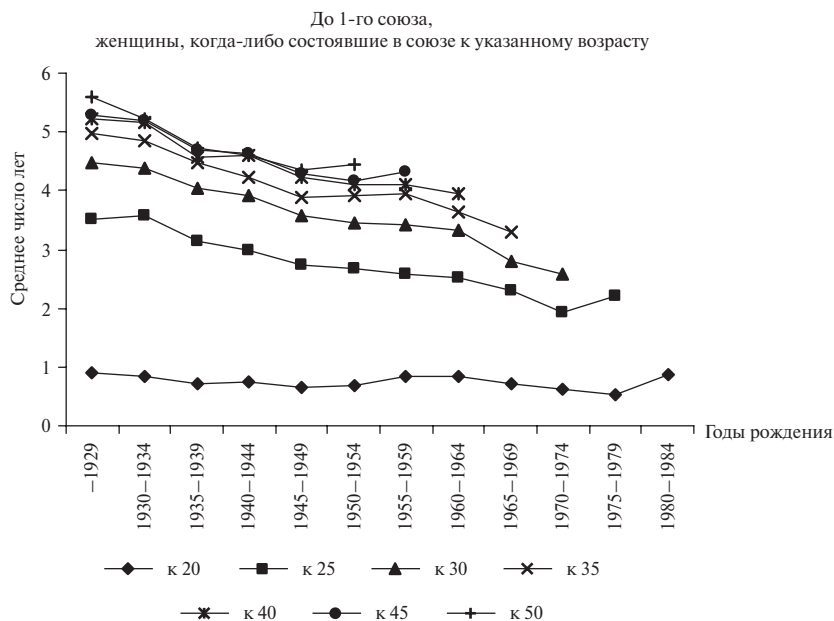

Рис. 19. Среднее число лет пребывания в состоянии «до начала первого партнерского союза с совместным проживанием партнеров» к указанным возрастам. Россия, реальные поколения женщин, имевших опыт проживания в союзах любого типа

В то же время обе тенденции послевоенного времени, очевидно, исчерпали себя. Когорты, родившиеся после 1975 г., демонстрируют признаки повышения возраста начала первого брачно-партнерского союза. Будет ли при этом повышаться итоговая доля женщин, не испытавших радостей супружеской жизни, пока судить невозможно. В настоящее время мы находимся в начальной стадии нового процесса, затронувшего лишь самые молодые поколения.

Результаты нашего анализа позволяют поставить под сомнение широко распространенное мнение, что в послевоенной России рост разводов существенно сокращал продолжительность супружеской жизни и тем самым отрицательно влиял на уровень рождаемости. Эта констатация, в частности, лежит в основе не менее хорошо известного призыва «укреплять «советскую/российскую семью»», неизменно воспроизводимого во всех концепциях и программах демографической и семейной политики, как принятых на официальном уровне, так и обсуждаемых на экспертном уровне, и в средствах массовой информации, начиная с 1970-х годов. Важно только иметь в виду, что вслед за некоторыми другими ведущими экспертами в области изучения брачно-семейных отношений мы разграничиваем влияние развода как фактора смены демографического состояния на средний уровень рождаемости женских поколений и влияние на рождаемость нестабильности, напряженности отношений в браке, которые, как правило, предшествуют разводу [Тольц 1984, с. 23]. Последнее является предметом специального рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи.

Данные, представленные на рис. 20 и 21, не дают нам оснований утверждать, что в России во второй половине XX в. продолжительность супружеской жизни для женщины в активном репродуктивном возрасте находилась под угрозой. Влияние именно этого фактора на уровень рождаемости в стране не могло быть отрицательным. Наоборот, влияние его, скорее, должно было быть положительным. Не только суммарное время состояния во всех союзах, но и время пребывания в первом брачно-партнерском союзе к возрасту 35–40 лет во всех реальных поколениях остается на одном уровне. Более того, в возрастах до 30 лет наблюдалась устойчивая тенденция к росту, приостановившаяся лишь у самых молодых поколений.

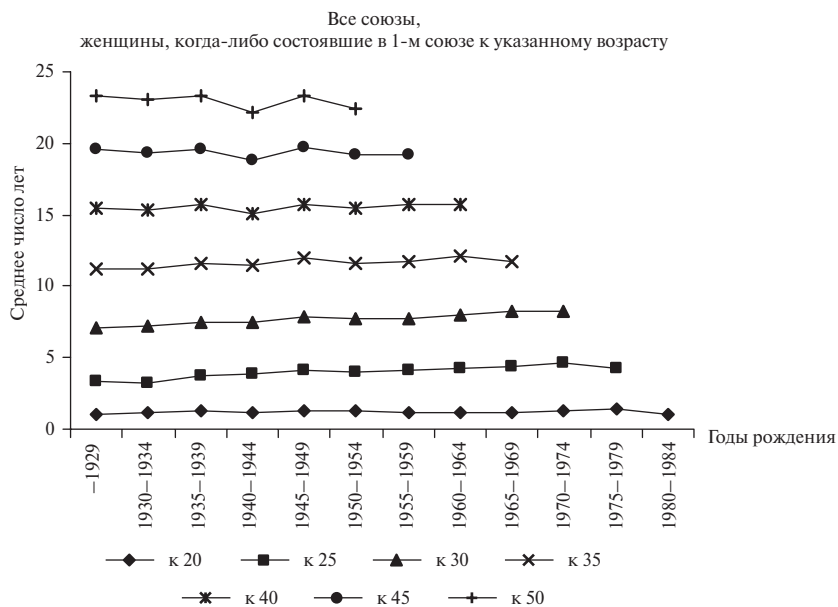

Рис. 20. Среднее число лет пребывания в брачно-партнерских союзах всех очередностей к указанным возрастам. Россия, реальные поколения женщин, имевших опыт проживания в союзах любого типа

Ситуация, складывающаяся в наши дни, также пока особого беспокойства не вызывает. Средняя продолжительность пребывания в супружеском союзе/союзах для современной россиянки высока, как никогда прежде, а компенсирующая роль повторных союзов вполне соответствует растущему риску прекращения первых союзов (рис. 21 и 22).

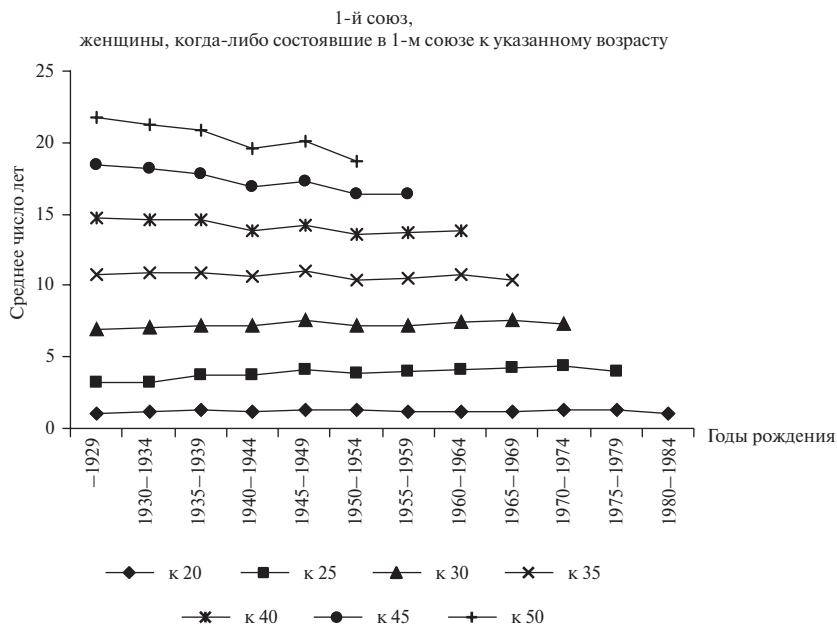

Рис. 21. Среднее число лет пребывания в первом брачно-партнерском союзе к указанным возрастам. Россия, реальные поколения женщин, имевших опыт проживания в союзах любого типа

«Золотой век» господства традиционного брака в России подходит к концу

Практически все, что было сказано выше о послевоенных тенденциях, относящихся ко всем брачно-партнерским союзам в России, включающим зарегистрированные и незарегистрированные союзы, справедливо и по отношению к зарегистрированным бракам, взятым отдельно. Возраст женщин при регистрации брака снижался, доля женщин, имевших опыт хотя бы одного брака в течение жизни, повышалась, риск прекращения брака по причине развода увеличивался, но в то же время и вероятность вступления в повторный, также официальный, брак до определенного момента увеличивалась.

Увеличение средней продолжительности пребывания в зарегистрированных браках в расчете на одну представительницу реального поколения еще более очевидно, чем отмеченная выше тенденция по отношению к итоговой длительности пребывания в супружеских союзах всех типов и очередностей (рис. 23). К возрасту 45 лет женщины, рожденные в 1955–1959 гг., провели в официально оформленных

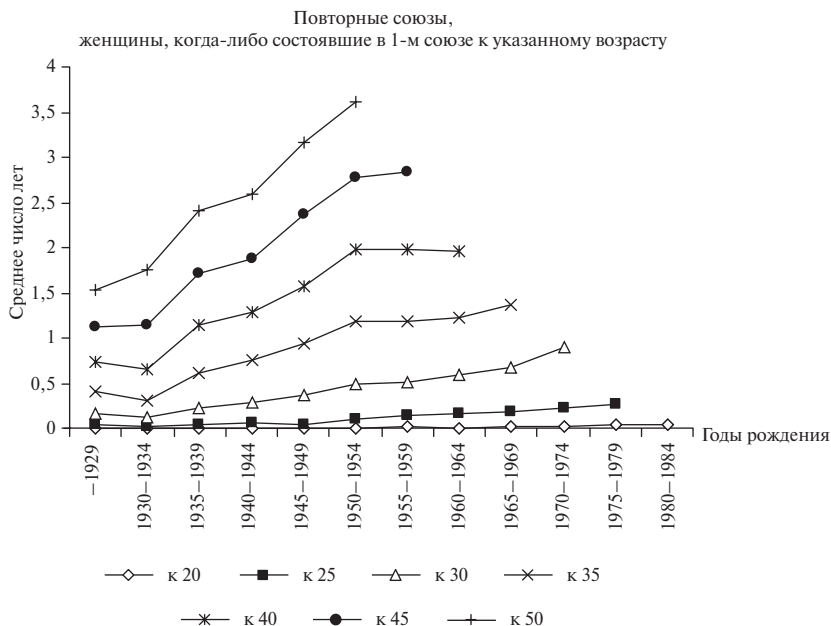

Рис. 22. Среднее число лет пребывания в повторных брачно-партнерских союзах к указанным возрастам россиянок разных поколений, имевших опыт проживания в союзах любого типа

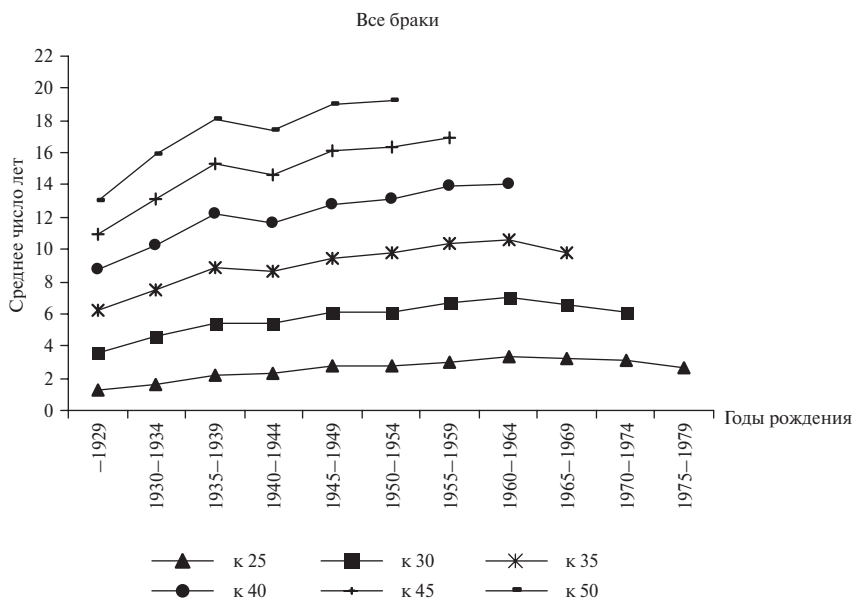

Рис. 23. Среднее число лет пребывания в зарегистрированных браках всех очередностей к указанным возрастам для россиянок разных поколений

браках, по нашим расчетам, в среднем 17,5 лет, в то время как их матери, родившиеся в 1930-е годы – 13–15 лет. Даже к возрасту 25, 30 и 35 лет разница в продолжительности брачной жизни между теми же поколениями составляет более 2 лет. И это при более чем двукратном росте вероятности развода! В течение 20 лет своего существования фактически распалось (разводы и расставания без оформления развода суммарно) около 30% первых браков, заключенных в 1979–1983 гг., и менее 15% первых браков, заключенных во второй половине 1950-х годов (рис. 24).

Максимальное время пребывания в официальном браке, видимо, продемонстрируют когорты женщин, родившиеся в первой половине 1960-х годов. Эти когорты активно формировали свои семьи в 1980-е годы. Вероятнее всего, семейная политика, активизировавшаяся в СССР в начале 1980-х годов, дала дополнительный импульс повышению брачности в целом и снижению возраста регистрации брака в частности. Политика тех лет резко усилила тенденцию обзаведения детьми в молодом возрасте [Захаров 2006с], следствием чего стало более раннее вступление в брак. Да и само по себе оформление брачных отношений в те годы давало некоторые преимущества семьям, например, при получении жилья. Не исключено, что именно по этой причине браки, заключенные во второй половине 1980-х годов, показали временное падение вероятности развода, что также дало прибавку к суммарному времени пребывания в брачных союзах. Так, к 10-му году своего существования распалось 20% браков, заключенных в 1979–1983 гг., и 16% браков, заключенных в 1984–1988 гг. (рис. 24).

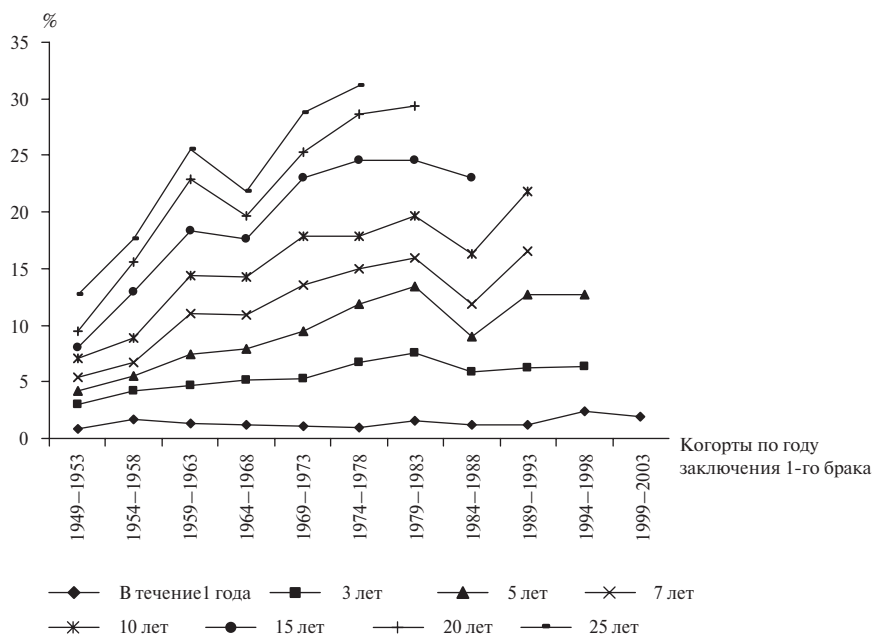
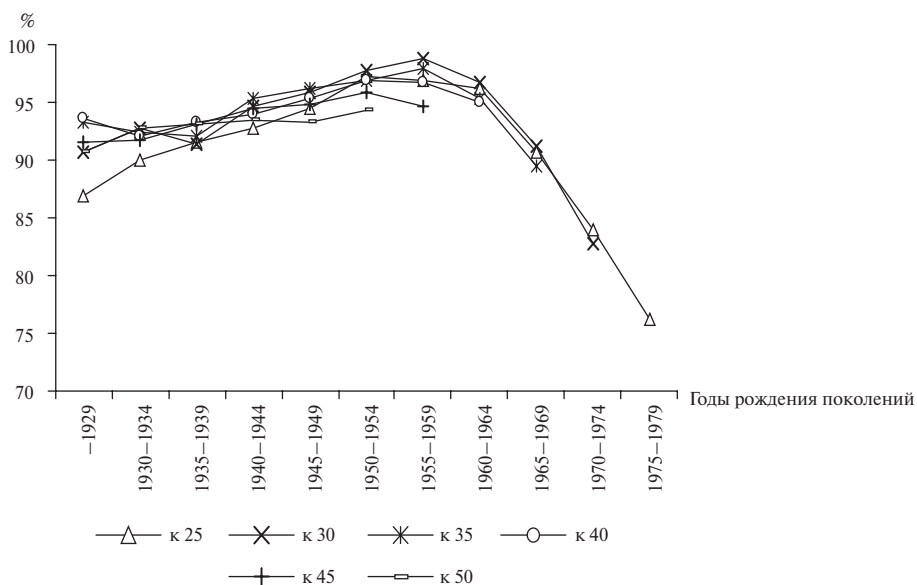

Рис. 24. Доля первых браков, зарегистрированных официально и распавшихся в течение указанных лет от начала своего существования. Россия, брачные когорты по году заключения первого брака (%)

Последующие поколения, снижая темпы формирования семей (рождение детей и заключение браков откладывается на более поздний возраст), демонстрируют одновременно и постепенное уменьшение среднего времени пребывания в официальном браке. В то же время, возможно, мы являемся свидетелями возникновения тенденции к стабилизации риска развода для браков, оформленных официально (см. рис. 23 и 24). По крайней мере, об этом говорят показатели, характеризующие распад браков, заключенных в 1990-х годах (соответственно к первому, третьему и пятому году от начала их существования). Попутно заметим, что часто высказываемое мнение о специфической «эпидемии» разводов, якобы охватившей постсоветскую Россию, в особенности в 1999–2002 гг., не подтверждается данными обследования РидМиЖ / RusGGS 2004 г. (см. рис. 24). Таким образом, нашла прямое подтверждение гипотеза, сформулированная нами ранее [Население России... 2006], согласно которой резкое увеличение числа зарегистрированных разводов в значительной части является артефактом, вызванным непродуманными изменениями системы статистической регистрации расторжения браков.

Принципиальный вывод о том, что в условиях современной России официально зарегистрированный брак теряет свою привлекательность, сформулированный в предыдущем разделе, проиллюстрируем еще одним наглядным примером с использованием уникальных данных РидМиЖ / RusGGS 2004 г.

На рис. 25 показана доля времени, проведенного в зарегистрированных браках всех очередностей представительницами реальных поколений, относительно итогового времени, проведенного ими в брачно-партнерских союзах всех типов.

Рис. 25. Доля времени, проведенного в зарегистрированных браках всех очередностей, относительно суммарного времени, проведенного в брачно-партнерских союзах всех типов к указанному возрасту. Россия, реальные поколения женщин, проживавших с партнером не менее трех месяцев подряд (%)

В поколениях женщин, родившихся в 1950 – начале 1960-х годов, зарегистрированный брак, безусловно, доминировал – 95–99% суммарного времени, проведенного в супружеских союзах к возрасту 25, 30, 35 и даже 40 лет, приходилось на зарегистрированный брак. По сравнению с поколениями 1930-х годов рождения наблюдалось даже некоторое увеличение данного показателя. Соответственно, «золотой век» господства официального брака в России пришелся на 1970-е и 1980-е годы.

Начиная с поколений россиян, родившихся во второй половине 1960-х годов, ситуация коренным образом меняется. Поколения 1965–1969 гг. рождения к 35-летнему возрасту в официальных браках провели менее 90% времени совместной жизни с партнерами (уровень показателя чуть ниже, чем у поколений 1930-х годов). Поколения 1970–1974 гг. к возрасту 30 лет проводят в официальных браках уже менее 80% времени пребывания во всех союзах. Наконец, представительницы поколений 1975–1979 гг. к возрасту 25 лет посвятили статусу «законной супруги» чуть более 75% общего времени пребывания в зарегистрированных и незарегистрированных союзах. И маловероятно, что этот показатель существенным образом повысится по мере того, как эти, сегодня еще молодые женщины, наберутся с возрастом «жизненного опыта».

Мы вплотную подошли к наиболее принципиальному, почти сакраментальному вопросу, который волнует широкую общественность и экспертное сообщество: каким образом переход к нетрадиционной системе брачно-партнерских отношений сказывается на рождаемости в России?

Из исторического опыта России известно, что прочность союзов, основанных на добровольном согласии, при прочих равных условиях ниже, чем официальных браков. Известно также, что в молодом возрасте «сожительства» зачастую носят характер временного союза, основанного исключительно на сексуальном партнерстве, не претендующем на статус полноценной семьи, в которой предполагается рождение и воспитание детей. Именно поэтому из профессионального стана демографов, социологов и политиков часто следует посыл уничижительно-дискриминационного свойства по отношению к незарегистрированным союзам. Призывы к «укреплению и возрождению семейных ценностей» сегодня в России все более трансформируются в призыв не допустить дальнейшего распространения «незаконных сожительства».

Так ли уж ущербны с демографической точки зрения новые формы супружества и семейной жизни? Опыт ряда развитых стран свидетельствует, что переход к многообразию типов супружеских отношений, когда привычный брак соседствует с консенсуальным союзом, соответствует росту рождаемости. Сегодня в Европе более высокая общая рождаемость наблюдается в тех странах, где высока и доля «внебрачных» рождений (читай, высок вклад в общую рождаемость рождаемости в широко распространившихся незарегистрированных союзах). Не этот ли путь повышения рождаемости уготован и России? На все эти вопросы мы будем пытаться искать ответ в наших последующих исследованиях и будущих публикациях результатов обследования РиДМиЖ / RusGGS.

Литература

- Белова В.А., Морева Е.М. Повторные браки женщин: ситуация и факторы // Методология демографического прогноза / Отв. ред. А.Г. Волков. М.: Наука, 1988.
- Волков А.Г. Семья – объект демографии. М.: Мысль, 1986.
- Дарский Л.Е., Ильина И.П. Брачность в России. Анализ таблиц брачности / Под ред. А.Г. Волкова. М.: Информатика, 2000.
- Демографическая модернизация России: 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. Серия «Новая история». М.: Новое издательство, 2006.
- Захаров С.В. Брачность в России: история и современность // Демоскоп-Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». № 261–262. 16–29 октября 2006 (b). Интернет-ресурс: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema01.php>
- Захаров С.В. Возрастная модель брака // Отечественные записки. 2006. № 4 (31) (а).
- Захаров С.В. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO. 2006. № 5 (с).
- Кузнецов Л.Р. Разводимость: динамика, факторы, тенденции // Методология демографического прогноза / Отв. ред. А.Г. Волков. М.: Наука, 1988.
- Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Наука, 2006.
- Тольц М.С. Разводы и современный уровень рождаемости // Проблемы воспроизводства и занятости населения / Ред. кол.: А.И. Антонов, В.Я. Чураков. М.: ИСИ АН СССР, 1984.